

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БЕСТУЖЕВА к П. А. ВЯЗЕМСКОМУ (1823—1825)

Публикация и комментарии К. П. Богаевской

Вступительная статья Н. Л. Степанова

Среди «фаланги героев», «богатырей, кованных из чистой стали с головы до ног», — как назвал Герцен людей 14 декабря, — видное место занимает А. А. Бестужев (Марлинский), ближайший друг и соратник Рылеева. Наряду с Рылеевым, Раевским, Кюхельбекером и другими писателями-декабристами Александр Бестужев являлся пропагандистом передовых, свободолюбивых идей.

Блестящий прозаик, одаренный поэт, выдающийся критик и теоретик литературы, Бестужев оставил заметный след в русской литературе. Его разнообразная и плодотворная литературная деятельность была трагически оборвана событиями 14 декабря. Однако, несмотря на длительное тюремное заключение и тяжелые условия ссылки в далекой Сибири, а затем солдатской службы на Кавказе, Бестужев не прекращал своей творческой работы. За годы им были написаны ряд наиболее известных его повестей, стихотворений, этнографических очерков.

I

Литературная деятельность будущего декабриста началась в 1818 г., когда он впервые выступил в журналах с переводами и критическими статьями. В 1820 г. его избрали членом Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения. Знакомство в мае 1822 г. с Рылеевым, который, по свидетельству самого Бестужева, «пылким своим воображением» «увлекал» его, привело Бестужева в состав Северного общества. Принятый Рылеевым в январе 1824 г. в члены Тайного общества, Бестужев стал вскоре одним из наиболее видных его участников, горячо поддерживая Рылеева в борьбе с ликвидаторскими настроениями умеренной части Общества. Все поведение Бестужева в течение последнего, решающего года существования Северного общества свидетельствует об его активной, выдающейся роли в подготовке назревавших событий. Не менее важна и литературная деятельность Бестужева, осуществлявшего идейно-пропагандистскую программу Тайного общества. Критические статьи и повести Бестужева развивали и пропагандировали идеи гражданского патриотизма и воспитывали в духе передовых, революционных идеалов декабристов. Особенно большое значение имело издание декабристского альманаха «Полярная звезда».

Светские и служебные успехи молодого блестящего гвардейского офицера, адъютанта герцога Виртембергского, были своего рода прикрытием этой кипучей революционной деятельности. А. Бестужев все время находился в центре событий, он без колебаний присоединился к Рылееву в вопросе о революционном перевороте и свержении царя.

О серьезности и широте его политических взглядов свидетельствует и такой замечательный документ, как обращение к Николаю I, написанное Бестужевым в время следствия в Петропавловской крепости (в декабре 1825 г.). В «письме», являющемся по существу настоящим политическим трактатом, Бестужев дает глубокий анализ причин возникновения декабристского движения, пронизательно и метко характеризуя экономическое и политическое состояние России, положение различных классов и сословий

на протяжении первой четверти века. Бестужев в своем трактате указал на решающее значение общенародного патриотического подъема в Отечественную войну 1812 года, знаменовавшего «начало свободомыслия в России». «Еще война длилась, — писал Бестужев, — когда ратники, возвратясь в дом, первые разнесли ропот в классе народа. Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа». Бестужев рисует потрясающую картину угнетения помещиками крепостных, лихоимства, злоупотреблений и казнокрадства чиновников. Он говорит о росте недовольства политикой царизма среди самых разнообразных слоев населения: мещанства, купечества и передовых кругов дворянства. «Везде честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались», — заключает эту картину вопиющего произвола Бестужев. В своем письме он выдвигает целый ряд предложений и проектов, направленных на преодоление феодально-крепостнической системы и, что особенно интересно и существенно, ряд мероприятий, открывающих путь капиталистическому развитию народного хозяйства.

Весьма значительную и активную роль сыграл Бестужев в дни, предшествовавшие восстанию, вместе с Рылевым проявив решительность и энергию как в обсуждении плана переворота, так и своим непосредственным участием в нем.

Бестужев привел на Сенатскую площадь Московский полк, распропагандированный его пламенной речью. Как видно из следственного дела, Бестужев 14 декабря «ходил по ротам Московского полка, говорил сильно и возбудил нижних чинов к мятежу». Убедившись в поражении восстания, Бестужев явился на гауптвахту Зимнего дворца и был на следующее утро заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В донесении Следственной комиссии он обвинялся в том, что, «по собственному признанию, умышлял на царубийство и истребление императорской фамилии, возбуждал к тому других; соглашался также и на лишение свободы императорской фамилии. Участвовал в умысле бунта привлечением товарищей и сочинением возмутительных стихов и песен. Лично действовал в мятеже и возбуждал к оному нижних чинов». Все эти обвинения довольно полно характеризуют революционную деятельность Бестужева, отнесенного в приговоре, наряду с важнейшими участниками восстания, к «первому разряду», то есть приговоренного к смертной казни. Лишь по прочтении приговора ему объявлена была царская «милость» — замена смертной казни двадцатилетней каторгой.

Около четырех лет провел Бестужев в заключении и ссылке в Сибири. В 1829 г. он был определен рядовым в Кавказский корпус. Однако эта новая «милость» мало облегчила судьбу писателя. Бесправное положение рядового в действующей армии, изнурительный климат, неусыпный полицейский надзор — все это подтачивало его надорванное здоровье. Единственным проблеском в этой кочевой и безрадостной жизни явилась для Бестужева возможность печататься, хотя ему пришлось скрыть свое имя под псевдонимом «Марлинский». В 1830 г. в «Сыне отечества» была напечатана его повесть «Испытание», за которой последовал ряд других повестей и очерков, вновь принесших широкую известность ссыльному писателю. Производство Бестужева в первый офицерский чин в конце 1836 г. за проявленную в боях храбрость, дававшее возможность оставить военную службу, не было утверждено Николаем I. На ходатайство Воронцова разрешить Бестужеву оставить военную службу для занятий «словесностью» царь ответил отказом. 7 июня 1837 г. Бестужев был убит в сражении около мыса Адлер. Наряду с Рылевым, Пушкиным, Грибоедовым и Лермонтовым Герцен поместил Александра Бестужева в почетном и горестном мартирологе жертв николаевского царствования.

II

В литературной и общественной жизни двадцатых годов критическая деятельность Бестужева сыграла выдающуюся роль. Его знаменитые ежегодные обзоры в «Полярной звезде» на 1823, 1824 и 1825 гг. с особенной полнотой выражали взгляды декабристов и явились важными этапами в развитии русской критической

А. А. БЕСТУЖЕВ
Рисунок неизвестного художника, 1830-е гг.
Исторический музей, Москва

и эстетической мысли. В своих статьях Бестужев смело пропагандировал и развивал те общие принципы, которые были сформулированы в уставе Союза Благочестия и сводились к требованию общественной, гражданской направленности литературы. Настаивая на ее воспитательном значении, декабристы видели в литературе мощное средство пропаганды своих идей.

В своих статьях Бестужев сочетал четкость и остроту критического анализа с постановкой важных теоретических проблем. Эстетические принципы революционного романтизма, положенные в основу его критических суждений, сводились прежде всего к требованию национальной самобытности русской литературы, к отстаиванию ее тесной связи с жизнью, выражению в ней передовых гражданственных идей. Бестужев резко выступал против «безнародности» тех писателей, которые пытались вместо обращения к русской жизни и к национальным истокам литературы следовать иноземным образцам. Восставая против преклонения перед иностранным, Бестужев подчеркивал, что каждая литература имеет свой национальный характер, свои особенности, которые должны уважаться и цениться: «...все образцовые дарования несут на себе отпечаток не только народа, но века и места, где жили они, следовательно, подражать им рабски в других обстоятельствах невозможно и неуместно. Творения знаменитых писателей должны быть только мерою достоинства наших творений». Чувство национальной гордости, требование, обращенное к писателям, создавать произведения, достойные своего народа, являются основой статей Бестужева.

Бестужев правильно оценил возросшую политическую и общественную роль литературы, особенно сказавшуюся в пору Отечественной войны 1812 года: «Тогда слова: *Отечество* и *слава* электризовали каждого. Каждый листок, где было что-нибудь отечественное, перелетал из рук в руки с восхищением». В противовес этому оживлению литературы в период войны общественное внимание к ней, по мнению критика, в последующие годы угасло, «ход словесности» замедлился, что и привело к «совершенному оцепенению словесности».

В обзорах «Полярной звезды» Бестужев выдвигал на первое место произведения Фонвизина, Крылова, Грибоедова, Жуковского и Пушкина, видя в этих писателях наиболее полное выражение гения русского народа и национального своеобразия русской литературы. В статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) Бестужев дает характеристику всей прошлой литературы, желая тем самым подчеркнуть, насколько широки и плодотворны традиции русской культуры.

Заслугой критика-декабриста является и та высокая оценка, которая дана была им творчеству Пушкина и Грибоедова. «Новый Прометей», — писал Бестужев о Пушкине в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», — он похитил небесный огонь и, обладая им, своенравно играет сердцами». Особенно высоко оценил Бестужев только что появившуюся поэму Пушкина «Кавказский пленник», сказав о ней, что она «блистает роскошью воображения и всею жизнью местных красот природы». Однако, несмотря на эту восторженную оценку творчества Пушкина, в своем понимании его Бестужев был все же ограничен принципами романтической эстетики. Особенно близкими и понятными ему оказались «южные», романтические поэмы Пушкина, тогда как реализм («Евгения Онегина») он так и не сумел до конца понять.

Эту ограниченность Бестужев преодолел в оценке комедии Грибоедова «Горе от ума», известной в то время лишь в рукописных списках. «Горе от ума» — феномен, — говорит Бестужев, — какого не видали мы от времени «Недоросля». Толпа характеров, обрисованных смело и резко; живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах — все это завлекает, поражает, приковывает внимание». Подчеркивая жизненность характеров, «зеркальную» правдивость комедии Грибоедова, Бестужев во многом выходил за пределы своей романтической концепции искусства, хотя он так и не смог признать победы реализма, как начала нового этапа в развитии русской литературы.

Проницательную и глубокую оценку дал Бестужев и творчеству Крылова, увидев в его баснях выражение национального характера русской литературы и острую политическую сатиру. «...его каждая басня — сатира, — писал Бестужев в

«Полярной звезде» на 1823 г., — тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия». Борясь за национальную самобытность литературы, Бестужев, как и другие декабристы, нередко отождествлял ее с национальной исключительностью. Тем более существенно отметить высокую оценку им передовых явлений западно-европейской литературы. Он с огромным уважением и восхищением говорит о «гениях всех веков и народов» — Шекспире, Мольере, Вольтере, Тассе («Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»). Особый интерес представляет его восторженный отзыв о Байроне, вызванный смертью английского поэта (в письме к Вяземскому от 17 июня 1824 г.): «Мы потеряли брата, князь: в Байроне, человечество — своего бойца, литература — своего Гомера мыслей». Бестужев подчеркивает, что этого «исполина» изгнали «клевета и зависть» из его отечества.

Деятельность Бестужева-критика высоко оценил Белинский, охарактеризовавший умение Бестужева остро и смело откликаться на литературно-общественные вопросы. Говоря о его «обозрениях» в «Полярной звезде», Белинский отмечал, что «от этих обозрений сыры-боры разгорались, поднимались страшные чернильные войны; обозрения давали жизнь литературе, — в них принимала жаркое участие даже и публика, не только сами литераторы». Этот темперамент критика и идейную целеустремленность политического борца Бестужев проявил как в критической деятельности, так и в своей переписке, во многом ее дополнявшей.

III

Существенной частью критической деятельности Бестужева является его переписка. В письмах он высказывается более откровенно и непосредственно, чем в статьях. Видное место в эпистолярном наследии Бестужева принадлежит его письмам к Вяземскому, публикуемым ниже.

Отношения Бестужева с Вяземским заслуживают особого внимания, знаменуя собой попытки декабристов привлечь к участию в Тайном обществе новых членов из среды передовых литераторов тех лет. В двадцатые годы Вяземский — один из наиболее близких к декабристам писателей. Друг Пушкина, М. Ф. Орлова и ряда других общественных и литературных деятелей, в той или иной мере связанных с декабристским движением, Вяземский в этот период во многом был близок и к их программным установкам. Убедившись в лицемерии политики Александра I и его «конституционных» начинаний, Вяземский проникся оппозиционными настроениями и весьма скептически и ядовито отзывался об Александре I и всей императорской фамилии в своих интимных разговорах и письмах. «Нас морочат и только; великодушных намерений на дне сердца нет ни на грош, — писал он в августе 1820 г. о царе А. И. Тургеневу. — Хоть сто лет он живи, царствование его кончится парадом, и только». Разочарование в конституционных планах Александра I все больше толкало Вяземского на сближение с декабристами, на переход от либерального салонного фронтёрства к более активным формам политического протеста. С наибольшей полнотой и определенностью эти настроения Вяземского сказались в стихотворении «Негодование» (1820), которое по одному из более поздних (1827) безыменных доносов называлось даже «катехизисом заговорщиков». «Негодование» Вяземского включается в круг таких близких декабристам поэтических деклараций, как «Вольность» и «Кинжал» Пушкина, послание «К временщику» Рыльева и др. В своих бичующих стихах Вяземский дает смелое обличение александровского режима:

Насильством прихоти потоптаны уставы;
С поруганным челом бесчеловечной славы
Бесстыдство предсидит в собрании вельмож.

В этом стихотворении Вяземский поднимался до декабристского пафоса, предвещающая близящееся торжество свободы:

Он загорится день, день торжества и казни,
День радостных надежд, день горестной боязни.

Раздастся песнь побед, вам, истины жрецы,

Вам, други чести и свободы!

Вяземский сам распространял списки «Негодования» в письмах к близким ему лицам:

Оппозиционное настроение Вяземского этих лет сказалось и в ряде острых эпиграмм и в стихотворении «Петербург», которое из-за цензурных препон могло быть напечатано лишь в отрывке в «Полярной звезде» на 1824 г. В 1822 году Вяземский выступил и с программным предисловием к отдельному изданию «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, в котором отстаивал принципы национально-романтической эстетики, близкие воззрениям декабристов. Таким образом, в годы, непосредственно предшествовавшие декабрьским событиям, Вяземский во многом сближался с декабристами, хотя и тогда едва ли его можно было считать «декабристом без декабря». Республиканские планы декабристов, их программа широких демократических реформ и, в особенности, решение осуществить вооруженный переворот были чужды Вяземскому. В дальнейшем, после разгрома декабристов, начиная с конца 20-х годов, Вяземский проделал эволюцию вправо, завершив ее переходом в Правительственный лагерь.

Знакомство Бестужева с Вяземским состоялось в феврале 1823 г., во время пребывания Бестужева в Москве. В записях о поездке в Москву, имеющих характер дневника, Бестужев в первые дни отмечал «знакомство с Вяземским». Имя Вяземского неоднократно встречается и в последующих московских записях Бестужева, свидетельствуя о частых встречах и беседах между ними. Эти личные встречи делают весьма правдоподобным предположение, что поездка Бестужева имела целью наладить связь с прогрессивными кругами Москвы, в частности с Вяземским. Хотя сам Бестужев был принят в Тайное общество позже (в январе 1824 г.), но с начала 20-х годов его близость с Рылеевым и сотрудничество с ним по редактированию «Полярной звезды» делали Бестужева одним из литераторов, близких к Обществу и в той или иной мере выполнявших его поручения. Разговоры Бестужева с Вяземским в Москве, вероятно, не ограничивались лишь литературными темами. Вспоминая через много лет свои отношения с декабристами, Вяземский писал, стремясь реабилитировать себя в отношении связей с декабристами: «Мне говорили после, что Якубович и Александр Бестужев были откомандированы в Москву, чтобы меня ошупать и испытать. Они у меня обедали. Разговор коснулся и немцев в России. В продолжение споров я сказал наотрез, что не разделяю этих *leurs opinions**, которые в ходу у нас». Речь здесь идет, однако, о вторичном приезде Бестужева в Москву в конце апреля 1825 г., когда Бестужев был в Москве одновременно с А. И. Якубовичем и вновь встретился с Вяземским. Именно в это время, будучи уже членом Тайного общества, Бестужев пытался привлечь в Общество и Вяземского. Об этой поездке Бестужев сообщал в письме к Рылееву от 12 мая 1825 г. Во всяком случае непосредственным результатом первой поездки Бестужева явилось привлечение Вяземского к участию в «Полярной звезде». «Пишите ко мне, пишите для публики, для „Полярной звезды“», — призывал Бестужев Вяземского в письме от 23 мая 1823 г., вскоре по возвращении в Петербург. Самый тон и характер этой переписки Бестужева с Вяземским, относящейся к 1823—1825 гг., свидетельствует о том, что общий контакт был между ними установлен. Это переписка людей во многом сходящихся в оценке общественных и литературных явлений. Естественно, что обоим корреспондентам приходилось соблюдать сугубую осторожность в переписке, просматривавшейся полицией, и, упоминая о вопросах политического порядка, прибегать к отдаленным и туманным намекам. В письмах Бестужева его прямые указания на тяжесть «почтового красноречия», следовательно он знал что-то о внимании полицейских властей к его переписке. Но и эти намеки характерны, так как они являлись продолжением разговоров, которые велись при личных встречах. Так, в первом же письме из Петербурга Бестужев как бы между строк сообщает: «Манюэль занимает многих, а парады — почти всех...». Учитывая, что как раз в это время Манюэль,

* общих мест (франц.)

ПОЛЯНАЯ ЗВЕЗДА.

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1823 ГОДА.

Въ старину, науки записали свѣтлѣвшими свѣж
въ потасающихъ верулахъ войны, и поэзия красно-
речія встала подѣ пѣнію маринихъ омувъ. Въ
ваши времена, когда сословиѣ уснаго и война
ея стиваетъ уже въ одну черту, мы видимъ со-
всѣхъ проливное: Топографъ и Артиллерій подѣ-
грамъ свои открыли подѣ знаменитъ браннямъ;
грамъ оцѣленныхъ сраженій оудивляеть словѣ
загореть и проуждеть предѣное выказанье чи-
шамлетъ: галшма префакцился въ журналы и
журнала въ великі, аборвавносно расшеть, воору-
тенье неподобное сѣнаго, алаеть вымысловъ,

Топографъ.
А. Бестужевъ.

дубавкѣ; вѣрочей надѣларо и шо сазать, что
Руской языкѣ, подобно Германскому въ ХУШ
вѣкѣ, возвышается нѣмѣ, но свѣтра на небого-
приащима общоуподобосиона. Теперь ученіиа идууть
лирика слоговъ, конорато самѣ Гении сфера рѣже
добавали, и перла въ чистинности ширени, аи
выприваель въ чистотѣ слогов. Однакъ недоспа-
шоекъ — у насъ мало шворческихъ мыслиа Языкѣ
нашъ можно угодоблять прекрасному усилленому
владену: онъ лепечеть словѣ съвъ гермоническіа
звуку, или спонетъ о чѣмъ-шо; — но лучъ мыс-

ли рѣже будженъ по его лицу. Это иладетъ
говорю я, но жадонетъ-Ахидъ, конорый въ кон-
белѣ еще удашья эжѣ! — И вѣнони спашъ су?

Р. С. Аншъ шеперь вышло въ свѣтъ: *Путь-
аестетѣ около селла*, Г. Голофина. Перва часть
онго повачена расказу и описаньявъ, испино
романическіа; словѣ онахъ проникнуть занима-
тельность, аламетъ искренности, вылетѣ про-
спомом. Это находка для морковѣ и для людей
сѣвскихъ. Еше свѣдѣтъ абрѣдовашъ любитѣлѣй
прекраснаго *Магаскара* какъ слышно и какъ несомнѣно, а
прекраснаго Пома А. Пушкина: *Белы-Серыйжой*
фоната, уже печашается въ Москѣ.

Александра Бестужевъ.
16

ЛИСТЫ ВЕРСТКИ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» НА 1824 г. С АВТОРСКОЙ ПРАВКОЙ А. А. БЕСТУЖЕВА ЕГО СТАТЬИ
«ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ 1823 ГОДА»

Листы первый и последний
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

глава либеральной оппозиции во французской палате депутатов, выступил с речью, истолкованной как панегирик революции 1793 г., и был исключен из палаты, — интерес «многих» к этому политическому событию, противопоставленный увлечению парадными в придворных кругах, весьма характерен.

Бестужев нередко касается в письмах столь острых политических тем, что его намеки приобретают недвусмысленный характер. Так, в письме от 5 сентября 1823 г., спрашивая Вяземского о московских новостях в связи с приездом в Москву Александра I, Бестужев с едкой иронией замечает: «Теперь государь осчастливил москвичан своим воззрением—и кривой рог изобилия опрокинулся над великими тузами. Веселее ли от того Москва?—сказывают здесь, что Голицын для показу государю велел всем отставным выбрить усы насильно, чтобы дать им европейский вид?—О просвещение! если это правда, даже если и неправда, то выдумка стоит России». Такие полные горечи, негодующие признания, выдающие оппозиционные настроения Бестужева, часто встречаются в его письмах. Так, в письме от 17 июня 1824 г., откликаясь на живо заинтересовавшее его предложение Вяземского о «составлении общества для издания книги», Бестужев с грустной иронией говорит о полной невозможности такого предприятия в России: «Оглянитесь кругом себя и кого найдете Вы помощниками радушными?». Не видя сил, которые могли бы поднять такое большое дело, Бестужев напоминает и о цензурных рогатках.

Письма Бестужева к Вяземскому наглядно рисуют и ту борьбу, которую приходилось вести писателям-декабристам с представителями литературной реакции. Бестужев выступает против реакционных эпигонов классицизма, группировавшихся в Петербурге вокруг кн. Цертелева, а в Москве — вокруг «Вестника Европы», возглавлявшегося в те годы Каченовским. Журнал Каченовского к этому времени стал оплотом литературной и политической реакции. Однако реакционный характер деятельности Каченовского Бестужев разглядел не сразу, находя в нем «кой-какие литературные заслуги» (письмо от 28 января 1824 г.). Лишь под влиянием писем Вяземского и, главным образом, полемики, возникшей по поводу его предисловия к «Бахчисарайскому фонтану», в которой особенно явно выразилась консервативная позиция «Вестника Европы», Бестужев решительно и резко осудил Каченовского. В письме от 1 марта 1824 г. Бестужев с негодованием отзываясь о критике Каченовского на «Полярную звезду», видя в его статье «созвездие глупости, мерзости и дурного вкуса». В письме от 7 мая 1824 г. Бестужев дал непримиримо-отрицательную оценку реакционным эпигонам классицизма, замечая по поводу полемики Вяземского с М. Т. Каченовским и М. А. Дмитриевым, разгоревшейся после выхода предисловия к «Бахчисарайскому фонтану»: «Бой Вац с классиками много занимал меня, ответы Ваши радовали, но скажу правду — эти животные не стоили ответа; им правда и ум, как к стене горох».

Уже первое письмо Бестужева свидетельствует об активной роли его в Вольном обществе любителей российской словесности, издававшем журнал «Соревнователь просвещения». Положению в Обществе «левого», прогрессивного крыла литераторов, возглавлявшегося декабристами Ф. Н. Глинкой и Рылевым, и борьбе их с реакционной группировкой Бестужев посвящает довольно много места в письмах к Вяземскому. Декабристы и близкие к ним писатели рассматривали Вольное общество как один из легальных филиалов Союза Благоденствия, а затем Северного общества, стараясь направить литературную деятельность Вольного общества на путь пропаганды декабристских и вообще прогрессивно-патриотических идей.

Письма Бестужева полны забот об издании «Полярной звезды». Бестужев неоднократно сообщает Вяземскому о необходимости привлечь новых сотрудников, чтобы сделать издание идейно и художественно значительным. Так, в письме от 5 апреля 1823 г. он просит Вяземского помочь ему получить материалы для альманаха от поэта-партизана Дениса Давыдова и молодого поэта Ознобишина, а также просит Вяземского прислать его собственные произведения. Письма Бестужева свидетельствуют о том, как упорно декабристы привлекали в «Полярную звезду» лучшие передовые литературные силы двадцатых годов. Вместе с тем переписка его с Вяземским демонстрирует, в каких трудных условиях, в обстановке какого цензурного

гнета приходилось осуществлять издание альманаха. Жалобами на цензуру полны многие письма Бестужева. Несмотря, однако, на все эти издательские трудности, несмотря на цензурные запреты, сокращения и искажения публикуемых материалов, выход каждой книжки «Полярной звезды» становился подлинно литературным событием. «Нынешняя „Звезда“ у нас разошлась в 3 недели до одного экз(емпляра)», — сообщил Бестужев Вяземскому 28 января 1824 г.

Подготавливая издание «Полярной звезды» на 1825 г., Бестужев высказывает Вяземскому свои опасения по поводу ее содержания и негодует на проски Воейкова, напечатавшего в своем журнале «Новости литературы» отрывки из «Братьев разбойников» Пушкина, переданных поэтом для «Полярной звезды». Стремясь сделать «Полярную звезду» влиятельным и популярным изданием, Бестужев ревниво относится к другим альманахам, вроде «Северных цветов», издававшихся Дельвигом, опасаясь ухода из «Звезды» ее наиболее видных сотрудников. В письме к Вяземскому от 20 сентября 1824 г., жалуясь на Дельвига как издателя «Северных цветов», Бестужев даже говорит, что может быть придется отложить издание «Полярной звезды» на 1825 г. «до времен более благоприятных, чем нынешние, хотя, — добавляет он, — и не хочется сойти с поля без бою». Однако эти слова рассчитаны были прежде всего на то, чтобы побудить Вяземского прислать для «Звезды» стихи и получить материал у ряда московских писателей. Письма Бестужева наглядно показывают, какую настойчивость и энергию приходилось проявлять издателям «Звезды», чтобы сделать свой альманах идейно и художественно полноценным и содержательным. Поэтому так сильно задел был Бестужев замечанием Вяземского, что «Полярная звезда» на 1824 г. «не имеет блеска прошлогодней», так как в ней якобы «много детского лепетания» и «мало мыслей».

В ответном письме от 28 января 1824 г. Бестужев с горечью упрекает цензуру, которая «обрезала наши червонцы, а многие медали и вовсе выбросила вон»; в частности, это относилось и к стихам Вяземского, переданным им для альманаха, что и вызвало негодование их автора. Бестужев предстает здесь как сборник идейной, активно воздействующей на общество литературы, как теоретик декабристского революционного романтизма.

В письмах Бестужева к Вяземскому проходит литературная жизнь 1823—1825 гг. Бестужев упоминает о событиях этих лет, дает оценки литературным произведениям, как мы уже упоминали, со скорбью откликается на смерть Байрона. Особенно большой интерес представляют его высказывания о Пушкине, Грибоедове, Рылееве, Крылове, Жуковском. Несмотря на то, что в «Полярной звезде» печатались произведения Жуковского, Бестужев в письмах говорит с иронией о том, что «пудра стала его стихия», намекая на близость Жуковского ко двору, сурово осуждавшуюся декабристами (письмо от 1—18 января 1824 г.). Многократные упоминания о Пушкине, находившемся в эти годы вне Петербурга (сначала в южной ссылке, затем в Михайловском), почти все связаны с получением его произведений для «Полярной звезды», объединившей уже в 1823 г. крупнейших писателей прогрессивного лагеря.

Пушкин и его творчество занимают одно из центральных мест в критических статьях и письмах Бестужева. Он приветствовал появление романтических поэм Пушкина, в особенности выделив «Цыган», в которых, по его словам, — гений Пушкина, «откинув всякое подражание, восстал в первородной красоте и простоте величественной». Однако положительно отозвавшись о первой главе «Евгения Онегина», Бестужев, недооценил последующих, в которых особенно полно проявился реализм Пушкина.

В целом критическая деятельность Бестужева оставила заметный и глубокий след в развитии русской критической мысли своим утверждением национального характера русской литературы, требованием ее идейной, передовой направленности.

Публикуемые здесь письма А. А. Бестужева к Вяземскому насыщены большим количеством общественных и литературных фактов, изобилуют меткими и острыми оценками современной литературной жизни, дают наглядное представление о характере литературно-эстетических взглядов критика-декабриста и несомненно займут видное место в его критическом и эпистолярном наследии.

⟨Петербург. 21 марта 1823 г.⟩

Ваше сиятельство,
князь Петр Андреевич,

С грустью расстался я с Москвою, которая красна для меня стала дружеством Вашим¹. Я уехал неожиданно, чтоб не грустить ⟨в⟩ минуту решительности — иначе долго б, долго б не собрался я выбраться из любезного Вашего круга. Не скажу Вам ничего о дороге, потому что не люблю вспоминать неприятного и если б не боковые мои клавикорды, то я бы навечно выключил 4-ри ⟨!⟩ сутки пути из жизни и памяти. Зато шехерезадий мой сон в Москве никогда не запомнится ⟨!⟩! — В Петербурге очень скучно и *сухо*. Манюэль² занимает многих, а парады почти всех; я же не могу еще оглядеться и потому до сих пор ничего не делал. — В обществе соревнователей на 6-й неделе будет публичное заседание, меня просили написать что-нибудь повеселее, и от этого я в большом затруднении — по приказу трудно забавничать. Хочу написать что-нибудь вроде вечера на биваке, не знаю только как то удастся! — Не пришлете ли Вы чего-нибудь? Общество просило меня замолвить о том перед Вами³.

Обдумывая план поездки своей в татарский Рим Ваш, я вижу, что это — дело не легкое: описывать общество — весьма щекотливо, потому что, хваля его беспрестанно, наскучишь, а приправлять анекдотами и странностями — беда. Далее историческая сторона картины хороша, но что скажешь после Карамзина? да и многие ли охотники до истории! — придется лепить мозаик из посторонних предметов, как видно, и только клеить его московскою мастикою⁴.

Сделайте одолжение, князь, засвидетельствуйте мое искреннее уважение Ивану Ивановичу Дмитриеву, которого доброту и благосклонность, столь сродную талантам великим, я чувствую вполне, хотя и не умею выражать ее, — у меня для дружбы и признательности есть только чувства, а не слова. При случае мой поклон Жихареву⁵, Гагарину⁶, В. Л. Пушкину и всем, кого любите Вы сами. О прочем напишу на днях, ибо теперь спешу к генералу⁷. Будьте здоровы, и веселы, и счастливы, и успешны.

Весь Ваш Александр Б е с т у ж е в

1823. Марта 21-го дня.

Все публикуемые здесь письма Бестужева печатаются по автографам, сохранившимся в Остафьевском архиве Вяземских (ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 1450, лл. 1—31 и ед. хр. 5084, т. III, лл. 111—112), кроме письма № 3, находящегося в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Даты писем и названия мест, откуда они были посланы, унифицированы нами.

¹ Бестужев был в Москве с двадцатых чисел февраля по 13 марта 1823 г. К этому времени относится и его знакомство с Вяземским (см. записки Бестужева о поездке в Москву в 1823 г. — «Памяти декабристов», I, стр. 56—59). До личных встреч Бестужев еще 27 декабря 1822 г. вместе с Рылевым обращался к Вяземскому с просьбой участвовать в «Полярной звезде» на 1824 г. (см. «Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 138—140).

² Жак-Антуан Манюэль (Manuel, 1775—1827) — французский политический деятель, глава либеральной оппозиции в Палате депутатов, друг Беранже, не раз воспетый последним. 26 февраля 1823 г. Манюэль выступил в Палате депутатов с протестом против вмешательства Франции в гражданскую войну в Испании. Эта речь была истолкована как панегирическое воспоминание о революции 1793 г. Манюэль был обвинен в оправдании царевубийства и исключен из Палаты 3 марта он был выведен из нее жандармами, что послужило поводом для большой антиправительственной демонстрации в Париже. Известия об этом событии появились в петербургских газетах в двадцатых числах марта («Le conservateur impartial», 1823, №№ 20—22 от 9, 13 и 16 марта н. ст.). Подробное сообщение о речи Манюэля было опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» 20 марта. Смелое выступление французского депутата не могло не возволновать русское передовое общество и в первую очередь — будущих декабристов.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ИЗДАТЕЛЕЙ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» П. А. ВЯЗЕМСКОМУ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ АЛЬМАНАХА НА 1825 ГОД

«Князю Петру Андреевичу Вяземскому от издателей»

Автограф А. А. Бестужева

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Князю Петру Андреевичу

Вяземскому

От издателей.

³ О заседании в Вольном обществе любителей российской словесности см. письмо от 23 мая 1823 г. (№ 3). — Повесть «Второй вечер на бивуаке» Бестужев на заседании не читал, а напечатал в «Соревнователе», 1823, ч. XXIII, кн. I, стр. 3—28.

2 апреля (1823 г.) Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Если встретишь полярного Бестужева, скажи ему, чтобы он отдал две мои басни, взятые им у меня, в Общество соревнователей для какого-то торжественного заседания, я ему дам что-нибудь другое для будущей „Звезды“» («Ост. архив»; т. II, стр. 308).

⁴ О поездке в Москву Бестужев не написал ничего.

⁵ Степан Петрович Жихарев (1788—1860) — литератор и театрал, член «Арзамаса», впоследствии мемуарист.

⁶ Гагарин — один из братьев В. Ф. Вяземской: Василий Федорович (ум. в 1829 г.; см. о нем письмо № 14) или Федор Федорович (1786—1863) — участник Отечественной войны 1812 г., член Военного общества, привлекавшийся к следствию по делу 14 декабря.

⁷ Генерал — Августин Августинович Бетанкур (1758—1824), генерал-лейтенант, директор Института корпуса инженеров путей сообщения. Бестужев с 5 мая 1822 г. состоял адъютантом при Бетанкуре. По словам Греча, Бестужев увлекся дочерью Бетанкура, но отец не допустил их брака (Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 474).

2

⟨Петербург, 5 апреля 1823 г.⟩

Ваше сиятельство,
князь Петр Андреевич,

Третьего дни Александр Иванович Тургенев обрадовал меня новостью о рождении Вам сына¹, а нам — будущего товарища. Сердечно поздравляю и Вас и супругу Вашу, а желания мои благополучия новорожденному выскажу я шепотом по приезде в Москву; надеюсь, что судьба не сглазит его до первого нашего свидания.

Литературных новостей в Петербурге совсем нет, а сплетней очень много. У Жуковского большое горе — сестра его Марья Андреевна умерла в Дерпте, и он приехал туда в день самых похорон². Сказывают, это произошло на него ужасное впечатление, и кто, зная его, тому не поверит! — Если Вы любопытны к новостям дворским, то я скажу Вам, что князь Волконский едет к водам за границу, князь Меншиков и Закревский тоже³. Уменьшение армии уже в ходу; впрочем, все идет так же хорошо, как и прежде.

Прилагаю здесь Фон Визина «Кориона», которого пожертвовал я Обществу года за два; но усерднейше прошу князя приказать его списать, а оригинал прислать обратно⁴; с меня его вскорости потребуют и не дадут жить на белом свете, если оный затеряется. В обмен на эту кожаную древнюю монету мы с Рылеевым надеемся получить от Вашего сиятельства несколько новых монет с новым штемпелем таланта. Впрочем, и без того я считаю вас должником «Полярной звезды», вследствие Вашего обещания — и в этом случае я буду самым набожным займодавцем, а сроки выходят⁵... à propos des poésies*, князь, постарайтесь прочесть ваше московское произведение Алекс. Дмитриева «Credo» на Волкова, которое начинается так: «Я верую, что он по глупости один»⁶, — пресмешная вещь, но здесь в письме ее нет, а я незнаком был с цитатором и потому она ускользнула от копировки. Еще пощупайте молодого стихотворца, едва у Вас известного, — это Ознобишин. У меня есть две его прелегие штучки из Парни. Внимание Ваше ободрит его, да и мы уверимся, можно ли от него чего-нибудь дожидаться⁷. — Денису Васильевичу замолвите слово об обещанном⁸, — я уже начал было пиеску «*Партизанский привал*»⁹, но за недостатком материалов остановился. — Простите, князь, что я бременю Вас просьбами — это в полной уверенности, что Вы по любви своей к литературе и, смею надеяться, по приязни к новому знакомцу, тем не поскучаете. — Последняя моя просьба будет — дружеский привет Федору Толстому¹⁰.

Московские красавицы иногда сняты мне. — Графиня (князь отгадает которая¹¹) занимает в снах моих не последнее место, и это смешение старого с новым погружает меня в какое-то раздумье и лень, поверите ли до того, что я разучился писать, не говорю уже вязать свои идеи формами. Глупая должность убивает утренники мои и так проходит время¹². Часы стоят, а месяцы — бегут. В Москве было иное!

Здравие и радость князю; этого желает преданный Вам душою

Александр Бестужев

С. Петербург
5 апреля 1823.

¹ 28 марта 1823 г. у Вяземского родился сын Петр (ум. 18 апреля 1826 г.). Об этом см. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу («Ост. архив», т. II, стр. 306).

² Марья Андреевна Мойер, рожд. Протасова (1793 — 18 марта 1823 г.) — племянница и предмет многолетней любви Жуковского.

³ Бестужев имеет в виду удаление из Главного штаба всех противников Аракчева: кн. П. М. Волконского (1776—1852) — начальника Главного штаба, кн. А. С. Меншикова (1787—1869) — директора канцелярии Главного штаба, А. А. Закревского (1786—1865) — дежурного генерала Главного штаба. Об этом же А. И. Тургенев писал Вяземскому 6 апреля 1823 г. («Ост. архив», т. II, стр. 310). Об отношении Бестужева и Рылеева к названным лицам см. в статье Ю. Г. Оксмана «Агитационная песня „Царь наш — немец русский“» в 59-м томе настоящего издания (стр. 72, 74, 82).

⁴ «Корион» — перевод Фонвизина комедии Грессе «Сидней». Вяземский 10 мая вернул рукопись Бестужеву (см. «Русская старина», 1888, № 11, стр. 316).

⁵ В апреле—мае 1822 г. Рылеев от своего и Бестужева имени обращался к Вяземскому с той же просьбой (см. «Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 138—140). — Об участии Вяземского в «Полярной звезде» на 1824 г. см. прим. 8 к письму № 6.

* кстати, о стихах (франц.).

⁶ В стихах А. Дмитриева высмеивался А. А. Волков, сотрудник «Московского телеграфа», являвшийся, очевидно, предметом насмешек в кругу литераторов. 25 мая 1825 г. С. Д. Нечаев писал Бестужеву: «...пусто, как в голове поэта Волкова» («Русская старина», 1888, № 12, стр. 593). Упомянутое «Credo» Дмитриева в печати неизвестно.

⁷ Дмитрий Петрович О з н о б и ш и н (1804—1877) — поэт и переводчик, сотрудник журналов и альманахов 1820—30-х годов.

⁸ Бестужев познакомился с Д. В. Давыдовым в Москве тогда же, когда и с Вяземским (см. прим. 1 к письму № 1). В «Полярную звезду» на 1824 г. Давыдов ничего не прислал.

⁹ Произведение Бестужева с таким названием до нас не дошло.

¹⁰ Федор Иванович Т о л с т о й, по прозвищу «Американец» (1782—1846) — приятель Вяземского, высмеянный в «Горе от ума» Грибоедова, в эпиграмме Пушкина «В жизни мрачной и презренной...» и в послании «К Чаадаеву». Вяземский в 1818 г. написал послание «Ф. И. Толстому». Бестужев познакомился с Толстым в Москве 23 февраля 1823 г. (см. «Памяти декабристов», I, стр. 56).

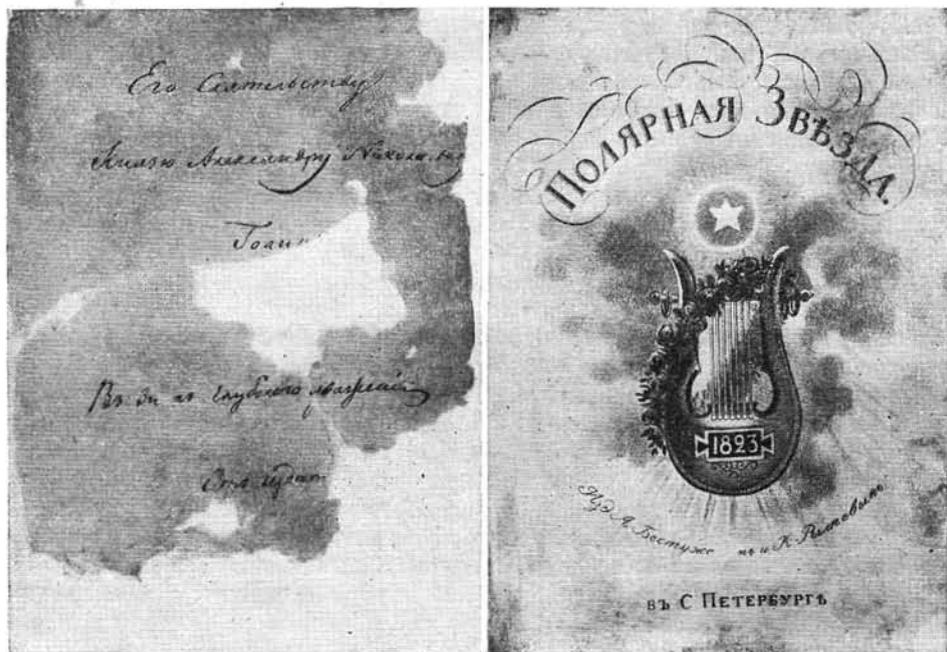
¹¹ Возможно, что Бестужев имеет в виду А. П. Кутайсову — см. о ней прим. 16 к письму № 7.

¹² О должности Бестужева см. прим. 7 к письму № 1.

3

⟨Петербург. 23 мая 1823 г.⟩

Простите меня, любезнейший князь из всех знакомых мне князей, что давно не писал к Вам; тому причиной было публичное заседание Общества. Я поджидал окончания, чтобы рапортовать Вам об успехе; теперь начинаю, хотя и не от яиц Леды, хотя и не от яиц прошедшей святой недели, но почти с того же — с предуготовительных собраний, которые были весьма бурны.

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» НА 1823 ГОД. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ИЗДАТЕЛЕЙ А. Н. ГОЛИЦЫНУ

«Его сиятельству князю Александру Николаевичу Голицыну. В знак глубокого уважения от издателей»

Автограф А. А. Бестужева

Надо Вам сказать, князь, что у нас в Обществе, бог весть отчего, завелись партии. Гнедич, которого сменили с вице-президентства, есть посеребренная пружина первой. Он посредством Дельвига и Плетнева, как сквозь решето, просеивает слухи, которые отравляются, пройдя змеинный рот Воейкова. Следствием оных было неудовольствие Ф. Глинка на Греча и на Общество, которые, как он думает, желают его затмения¹. Другая партия есть партия положительного безвкусыя; у ней голова — князь Цертелев², а хвост (тела нет) — Борис Федоров³ и еще два или три поползца. Есть и цензурные или, лучше сказать, полицейские партизаны, именно — Воронов⁴; прочие суть благомыслящие гласные, полугласные и без слов. Число последних статистов, как водится, есть наибольшее.

Сперва споры были — назначить или не назначать публичного чтения. Тому иные противились, потому что сами ничего не сделали; другие сомневались, сделают ли что-нибудь путное остальные; но как всякий из званных хотел попасть в избранные — большинство решило: назначить. Попел перебор пьес. Я предложил между прочими и Ваш отрывок из био-р<афии> почтенного нашего поэта И. И. Дмитриева, но как рукопись была в цензуре, он до последнего заседания не был читан⁵. В последнее я предложил Обществу исключить из числа назначенных для чтения пьес разбор од Державина Цертелевым, чистый вздор, где, кроме: *прекрасно, неподражаемо, божественно*, забавного было одно имя сочинителя⁶. Но чтоб не показать пристрастия — и свой «2-й вечер на бивуаках». Цертелев вбзрился, шумел, защищал красоту своей пьесы, восстав против неформы суда, однако ж шары покатились и он слетел кубарем. — Вслед за этим Греч читал Ваш отрывок. Цертелев воскликнул против неформы, говоря, что теперь уже поздно назначение, но я доказывал неправоту, Греч настоял в исполнении и пьеса избрана была 19-ю против 4-х. Собрание исполнилось 22-го мая, т. е. вчера, в зале Державиной. Народу было много, мелькали и звезды, и перья, и султаны, — чтение началось в 7¹/₂ часов. Греч изложил во введении занятия и цель Общества и кончил благодарностию Общества председателю, который по болезни* не мог теперь присутствовать.

Булгарина статья была очень занимательна, однакож у нас еще не умеют ценить исторических занятий. Туманскому аплодировали и стóбит; были звонкие стихи и новые картины. Корнилович всем понравился, его читал мой брат очень внятно. Рылеева «Смыслный» полон благородных чувств и резких возвышенных мыслей, — принят с душевным ободрением. Никитин читал Вашу статью — она всем полюбилась и потому, что просто высказана, и потому, что любят героя оной. Рукоплескали. Я прочел Пушкина маленькую пьеску: «Прощание с жизнью». Пушкин — везде Пушкин. Лобанова перевод из «Федры» — хорош, Борис Федоров — гадок, словесный вор и чтец преохотительный — не знаю, как и когда прошла сквозь оппозицию его пьеса. — В заключении Измайллов смеялся более своею тушею, чем стихами. Но вообще публика была довольна очень и все прошло прекрасно. Просят поскорее еще⁷.

Вот, любезный князь, вести об заседании; теперь пойдут кумовства и весточки. — Просьба или, лучше сказать, жалоба Ваша лежит у министра «чающа движения воды»⁸, но ни один ангел не сходит возмутить ее. Даже А<лексапд>р Ив<анови>ч Тургенев ничего не делает; а цензура делает свое. Замечания ее на пьесу Олина классической глупости и варварского деспотизма⁹. Критика Ваша на Булгарина прекрасна и здесь ходит по рукам прежде расстления, хотя я и не совсем согласен, но и силою доказа-

* Вообразите, князь, что предложение благодарности Ф. Гл<инке> нашло противников в Обществе. Но левая (т. е. правая) сторона восторжествовала; он теперь не был из кнпряза, но со всем тем Общество обязано ему благодарностию за труды и согласие, а за редкий его нрав — уважением. Гнедич с причетом не был тоже. — *Прим. Бестужева.*

тельств и слогом Вашим доволен как нельзя больше, и больше гораздо прежнего¹⁰. Она пропущена, разумеется, с некоторыми пропусками. — Ваше послание зацепил к князь Цертелев, человек, как видно из его творений, ничтожный, с лубочным вкусом, а, как заметно из его поступков и мнений, — способный на всякое низкое дело¹¹. Он малороссиянин. — Измайлов, как видно, хотел пронизировать цензуру, да сам, обрезанный ею, напечатал ей акафист; простите ему это невольное прегрешение — он, право, добрый человек¹². — Впрочем, кроме приказов Уварова, здесь нет никаких литературных новостей¹³.

Я стыжусь говорить о себе — ничего не делая, ни о чем не заботясь. — Генерала своего я уже оставил дней 12-ть¹⁴. Ищу другого места, потому что вступать во фронт не охотник, да и кому охота жить с конями и слюшадинами офицерами! Эта нерешительность вредит мне — и я веду каждый день до вечера.

Благодаря Вас, князь Петр Андреевич, за письмо Ваше¹⁵, прошу удостоить повторениями; каждое из них мне подарок. Пишите ко мне, пишите для публики, для «Полярной звезды». Она уже формируется. Будьте счастливы, князь, этого желает истинно привязанный к Вам

Александр Б е с т у ж е в

Р. С. Еще ответец: защитник мой, ломавший за меня с Жандром указки, был Яков Толстой. Прекрасный малый, но, как видите, плохой критик¹⁶. Я с ним мало знаком. — Комедию «Гофмейстер» поищу, хоть весьма сомневаюсь успеть в поисках. Об ней, что называется, и слух простыл, не только след¹⁷.

23 мая 1823.

ЛБ. Шифр М. 9514/5. Впервые неточно опубликовано Н. П. Барсуковым в «Старине и новизне», кн. 8. Пб., 1904, стр. 30—32.

¹ Н. И. Гнедич был вице-президентом Вольного общества со второй половины 1821 г. до мая 1823 г., когда на его место был избран Н. И. Греч. Замена Гнедича Гречем вызвала неудовольствие президента и идейного вдохновителя общества Ф. Н. Глинка, который в связи с этим перестал посещать заседания.

Подробный комментарий к заседанию Вольного общества любителей российской словесности 22 мая 1823 г. и к «предуготовительным собраниям» см. в кн.: Б а з а н о в, стр. 259—286.

² Николай Андреевич Ц е р т е л е в, князь (1790—1869) — автор работ о древнерусской поэзии.

³ Борис Михайлович Ф е д о р о в (1798—1875) — реакционный литератор, один из информаторов III Отделения.

⁴ Дмитрий Акимович В о р о н о в — литератор и переводчик.

⁵ Бестужев имеет в виду биографию И. И. Дмитриева, написанную Вяземским и приложенную к 6-му изданию сочинений баснописца («Стихотворения Дмитриева». М., 1823).

⁶ Речь идет о статье Н. А. Цертелева «О философских или нравоучительных одах Державина». На собрании Общества 16 мая, посвященном обсуждению программы публичного заседания (о котором пишет Бестужев), чтение статьи Цертелева было отвергнуто.

⁷ Статья Булгарина — «Отрывок о Марине Мнишек». — Туманский выступал со своим стихотворением «Век Елисаветы и Екатерины II. Отрывок из послания к Державину». — Н. А. Бестужев читал статью А. О. Корниловича «Об увеселениях в царствование Петра Великого». — Отрывок из поэмы Рыльева «Войнаровский» («Смыслный») читал Туманский. — А. А. Никитин читал отрывок из биографии И. И. Дмитриева, написанной Вяземским; Б. М. Федоров — стихотворение «Ободрение», А. Е. Измайлов — свои басни: «Беги и кляча», «Так да не так», «Сметливый эконоом» и басню Вяземского «Мудрость».

Стихотворение Пушкина под названием «Прощание с жизнью» — неизвестно.

Об упомянутом заседании Вольного общества появилось в печати несколько благожелательных отчетов («Соревнователь просвещения и благотворения», 1823, № 6, стр. 292—303; «Сын отечества», 1823, № 21, стр. 37; «Северный архив», 1823, № 11, стр. 373—378). См. также письма А. И. Тургенева к Вяземскому от 22 и 25 мая 1823 г. («Ост. архив», т. II, стр. 325—326).

⁸ Бестужев имеет в виду прошение Вяземского в Главное училищ правление с жалобой на цензора Красовского, не пропустившего какое-то его произведение в «Сыне отечества» (это прошение опубликовано в «Русском архиве», 1896, № 6, стр. 293—295). См. об этом также письма Вяземского к А. И. Тургеневу от 21 января, 7 февраля, первой половины марта 1824 г. и письмо С. И. Тургенева к Вяземскому от 13 марта 1824 г. («Ост. архив», т. II, стр. 297, 299, 304).

⁹ Имеются в виду преследования бездарного поэта В. Н. Олина (ок. 1788—1840-е годы) цензором Красовским (см. о нем прим. 3 к письму № 9).

¹⁰ «Критика» Вяземского — «Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822 года, напечатанное в № 5 „Северного архива“ 1823 года». После длительных цензурных мытарств «Замечания» появились в «Новостях литературы», 1823, № 19, стр. 81—92 (см. также «Ост. архив», т. II, стр. 315, 317).

¹¹ Речь идет о послании Вяземского «И. И. Дмитриеву», напечатанном в «Полярной звезде» на 1823 г.

¹² Имется в виду басня А. Е. Измайлова «Добрый человек».

¹³ Речь идет, вероятно, о приказах командира гвардейского корпуса генерал-адъютанта Ф. П. Уварова (1773—1824).

¹⁴ Бестужев имеет в виду свою службу при генерале Бетанкуре (см. письмо № 1).

¹⁵ Письмо Вяземского к Бестужеву от 10 мая 1823 г. см. в «Русской старине», 1888, № 11, стр. 316—317. О настоящем письме Бестужева Вяземский упоминает в письме к А. И. Тургеневу от 31 мая 1823 г. («Ост. архив», т. II, стр. 326—327).

¹⁶ Несколько строк Бестужева в обозрении «Взгляд на старую и новую словесность в России» о переводах А. А. Жандра вызвали возмущенную статью последнего «Разговор от Полярной звезды» в «Сыне отечества», 1823, № 8 (стр. 64—72). За Бестужева вступился Я. Н. Толстой (скрывшийся под инициалами: Я. Т.) в «Письме к А. А. Бестужеву (в Москву)», напечатанном в «Сыне отечества», 1823, № 12 (стр. 223—229). Бессодержательная полемика между Жандром и Толстым продолжалась еще в нескольких номерах «Сына отечества» (№ 14, стр. 310—312; № 15, стр. 32—35; № 16, стр. 83—86; № 17, стр. 124—128).

¹⁷ «Гофмейстер» — комедия Д. И. Фонвизина. — В упомянутом письме от 10 мая 1823 г. Вяземский просил Бестужева поискать в Петербурге список этой комедии. В «Письме к издателю С. О.» (помеченном августом 1823 г.), обращаясь к читателям с призывом доставлять ему неизвестные произведения Фонвизина, Вяземский писал и об утраченной комедии «Гофмейстер» («Сын отечества», 1823, № 37, стр. 165—166).

4

С. Петербург. 5 сентября 1823 г.

Вы мелькнули у нас на мгновение, любезнейший князь Петр Андреевич, и улетели веселиться в родную Москву; а мы здесь скучаем да скучаем по обычаю, и только разговоры с москвичами разглаживают на лбу незваные морщины.

Праздник петергофский был довольно угрюм сам по себе¹, но мне он показался еще неприятнее от того, что навязалась на шею неприятность. Один полковник Семеновского полка сказал мне грубо, — разумеется, что я отвечал грубостью; он *пожаловался* и комендант посадил меня на 5 минут под арест. Из этого вышла шумная история, потому что адъютанта герцогского не имели права посадить под арест². Впрочем, я действовал по-рыцарски и смею думать, что вышел из этого казуса с честью без пятна и с совестью без укора. Все было забыто наравне с бегством Алины Волконской³, и пр. и пр. и теперь идет попрежнему.

Скажите, князь, какво проводите Вы свое время? и часто ли заглядываете в матушку белокаменную и к соседям своим? — Теперь государь осчастливил москвичан своим воззрением — и кривой рог избылиия опрокинулся над великими тузами. Веселес ли от того Москва? — сказывают здесь, что Голицын для показу государю велел всем отставным выбрить усы насильно, чтобы дать им европейский вид? — О просвещение! если это правда, даже если и неправда, то выдумка стоит России.

Позвольте просьбою своею о присылке милых стихов Ваших для «Полярной звезды» и для неполярных ее издателей, напомнить о слове, не забыть их⁴. Пора уже настала к печатанию и мы спешим не на шутку.

Почтеннейшему Ивану Ивановичу сердечный поклон мой. Я уверен, что князю это будет не в отягощение, равно как и поклоны любезнейшему

СТРЕЛОК

Рисунок А. А. Бестужева, 1831 г.

Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград

Федору Ивановичу и Денису Васильевичу, который обещал мне прислать кое-что о Бельничихах — и посадил на мель⁵. — Рылеев свидетельствует Вам свое почтение, а я присоединяю к этому уверение в неустойчивой к Вам привязанности и дружбе.

Александр Бестужев

Р. С. Здесь был Баратынский, у которого мы купили его сочинения за 1000 рублей⁶. Пушкин недавно ко мне писал, где и о Вас было слово⁷. Если увидите Ст. Нечаева, сделайте одолжение, напомните ему о обещании собрать для нас у московских стихотворцев статьи⁸.

¹ Петергофский праздник — «день тезоименитства» Александра I 30 августа. О петергофском торжестве Бестужев писал матери 3 сентября 1823 г. («Памяти декабристов», I, стр. 40).

² 7 июля 1823 г. Бестужев был назначен адъютантом герцога Александра Виртембергского, главноуправляющего путями сообщения. Должность эта очень тяготила Бестужева (см. его карикатуру на герцога на стр. 209 настоящего тома).

³ Алина — Александра Петровна Волконская, впоследствии Дурново (1804—1859), дочь П. М. Волконского.

⁴ Об участии Вяземского в «Полярной звезде» на 1824 г. — см. прим. 8 к письму № 6.

⁵ Иван Иванович — Дмитриев; Федор Иванович — Толстой («Американец»); Денис Васильевич — Давыдов. См. о них прим. к письму № 2.

⁶ В письме к Бестужеву и Рылееву (без даты, но явно относящемся к этому времени) Баратынский сообщал, что посылает им тетрадь своих стихотворений для издания («Русская старина», 1888, № 11, стр. 321—322). См. также письмо № 12.

⁷ Пушкин писал Бестужеву 13 июня 1823 г. из Кишинева: «Признаюсь, что ни с кем мне так не хочется спорить, как с тобою да с Вяземским — вы одни можете разгорячить меня...» (Пушкин, т. XIII, стр. 64).

⁸ Степан Дмитриевич Нечаев (1792—1860) — литератор и археолог, член Союза Благоденствия, сотрудник «Полярной звезды», «Вестника Европы», «Благонамеренного», «Мнемосины». Бестужев познакомился с Нечаевым в Москве 24 февраля 1823 г. и скоро с ним сошелся (см. «Памяти декабристов», I, стр. 56). Два письма Нечаева к Бестужеву 1825 г. напечатаны в «Русской старине», 1888, № 12, стр. 592—593; 1889, № 2, стр. 319—320.

Петербург. 13 октября 1823 г.

Конечно, почтеннейший князь, Вы не получили письма моего в исходе августа писанного, потому что пеняете в своем за молчание?¹ Впрочем, мое теперь дело благодарить Вас за любезное послание Ваше от 2-го сентября, которое, однакож, получил я по приезде из 4-х недельного вояжа с своим герцогом по северным тундрам Олонецкой и Новгородской губерний. Время нам благоприятствовало, дорога не утомляла, местоположения приятнейшие, но как делить приятных впечатлений было не с кем, то можете себе представить, что время текло по капле и скука незваная теснилась ко мне в коляску. — Только что приехал сюда — надобно было постреляться — и, слава богу, все кончилось дружелюбно. Противник мой промахнулся, а я играл великодушного. (Между скобками — это секрет)². Теперь принимаю за свою любезную любовницу, которая от Вас, любезный Петр Андреевич, дожидается венериного пояска, а я как модный чичероне благодарю вас за прежний ей подарок: «Негодование». Это ужас как идет к красавицам. Жуковский дал нам свои письма из Швейцарии — это барельеф оной. Пушкин прислал кой-какие безделки; между прочими в этот год увидите там кой-каких новичков, которые обещают многое — дай бог, чтоб сдержали обет³, а безголового инвалида Хвостова никак не пустим к ставцу. Он уже не путем заврался.

Здесь был слух о войне с турками. Принцесса Шарлотта сводит всех с ума⁴. Княгиня Александра⁵ изволила выкинуть. Князья большие и маленькие глупы попрежнему — вот перечень дворовых и политических наших вестей. Что касается до меня, я уже начинаю замечать, что выкроен не по придворному манеру и что мне долго с своею королевскою шишкою⁶ не ужиться. Я люблю давыдовскую жизнь, а тут всякий шмель думает, что проглотил Макиавеля⁷.

Будьте моим представителем у Дениса Васильевича; почтенному Ивану Ивановичу сердечное уважение, а Федору Ивановичу попросу Вас сказать, что мы часто его вспоминаем.

Эпиграммы Ваши на наших ханжей весьма милы — признаюсь, что мы расхохотались, в первый раз прочитав их⁸. Притча уже ходит по городу — и все авторы поют: кому вынется, тому сбудется⁹.

Рылеев поручил мне благодарить Вас за вспоминанье и с тем по обычаю свидетельствует свое почтение. Но гр. Толстой, через которого теперь пишу, торопит меня, и потому, к сожалению моему, а к Вашей отраде, я ставлю точку, желая Вам всех возможных благ, т. е. веселья, здоровья и свободы.

Весь Ваш Александр Бестужев

*⟨Приписка А. А. Муханова⟩*¹⁰

Прошу Вас, почтеннейший князь Петр Андреевич, не думать, чтоб я позабыл исполнить поручение Ваше присылкою Лас-Казаса; не мог до сих пор достать, несмотря на обещания многих¹¹. Но, как кажется, удастся обмануть цензорных дозорщиков; обещают на днях выдать; я тогда не замедлю переслать Вам или привезу сам, чего тем более желаю, что буду иметь снова случай лично засвидетельствовать Вам мое истинное уважение.

Покорный ко услугам Ваш
Александр Муханов

Р. S. Прошу Вас принять на себя труд сказать душевный мой поклон г. Фед(ору) Ивановичу.

¹ Письмо Бестужева к Вяземскому от конца августа не сохранилось. Письмо Вяземского к Бестужеву от 2 сентября <1823 г.> на которое последний отвечает, см. в «Русской старине», 1888, № 11 стр. 317—319.

² О своей поездке по северному краю в сентябре — октябре 1823 г. с герцогом Виртембергским и о дуэли с Рингером по возвращении Бестужев писал подробно 3 марта 1824 г. Я. Н. Толстому в Париж («Русская старина», 1889, № 11, стр. 375).

³ Бестужев имеет в виду «Полярную звезду» на 1824 г. Об участии в ней Пушкина см. прим. 6 к письму № 7. В числе «новичков» Бестужев, очевидно, считал А. С. Хомякова и А. Г. Родзянку, а может быть, и В. К. Кюхельбекера.

⁴ Принцесса Шарлотта — принцесса Виртембергская, впоследствии в. к. Елена Павловна (1806—1873), жена в. к. Михаила Павловича. Приехала в Россию 30 сентября 1823 г. См. о ней письмо № 9, а также «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 25—27, 134—136.

⁵ Княгиня Александра — будущая императрица Александра Федоровна, жена в. к. Николая Павловича (1798—1860).

⁶ «Королевская шишка» — герцог Виртембергский.

⁷ Макиавель — Маккиавелли.

⁸ В упомянутом письме от 2 сентября 1823 г. Вяземский послал Бестужеву две «Надписи к портретам»: «Подлец вертлявый по природе» и «Кутейкин в рясах и с скуфью». Первая из них направлена против Магницкого (см. о нем прим. 1 к письму № 9).

⁹ Упоминание Бестужева о «спитче» вносит новые штрихи в предисторию создания декабристских агитационных песен. В архиве Вяземского сохранились списки семи «подблюдных песен» (см. о них «Декабристы и их время», 1951, стр. 12—14). Из них три заканчиваются припевом:

Кому вынется,
Тому сбудется:
А кому сбудется,
Не минуется.
Слава!

Припев этот сопровождает наиболее революционные песни: «Как идет мужик...» «Вдоль Фонтанки реки...», «Как идет кузнец...».

На основании публикуемого письма можно утверждать, что в конце февраля — начале марта 1823 г. Бестужев у Вяземского в Москве читал какую-то свою сатирическую

ГЕРЦОГ
АЛЕКСАНДР ВИРТЕМБЕРГСКИЙ
Рисунок (шарж) А. А. Бестужева

Бестужев был адъютантом герцога
Институт русской литературы АН СССР
Ленинград

песню с припевом: «Кому вынется, тому сбудется». По всей вероятности, эта песня послужила прототипом будущим агитационных «подблюдных» песен, которые создавались Бестужевым и Рылевым в 1824—1825 гг. (см. показания Бестужева от 10 мая 1826 г. — ВД, т. I, стр. 457—458).

¹⁰ Александр Алексеевич Муханов (1800—1834) — двоюродный брат декабриста, адъютант А. А. Закревского. См. о нем далее, письмо № 8.

¹¹ Эммануил-Августин Лас-Казас (Las-Casas, 1766—1842) — камергер Наполеона, сопровождавший его на о. св. Елены. Муханов имеет в виду воспоминания Лас-Казаса «Memorial de Saint-Hélène, où journal où se trouve consigné, jour par jour, tout ce qu'a dit et fait Napoléon durant XVIII mois». Paris, 1823—1824. Вяземский назвал мемуары Лас-Казаса «одной из важнейших книг» своего столетия (Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1879, стр. 228).

6

С. Петербург. <1—18 января 1824 г.>

Любезнейший, добрейший и почтеннейший из князей, князь Петр Андреевич, я приношу к Вам свою повинную голову за свое долгое молчание; но не обвиняйте меня в неблагодарности, а скорей припишите это моему скучно-ветреному нраву и лености, которая в беспрестанной ссоре с приличиями света и с желаниями сердца. Хоть для своих, если не для святых святок¹, простите ленивцу, чтоб я мог попрежнему болтать перед Вами всякие пустяки, не боясь оговорки.

Скажите по совести, князь, Ваше мнение о «Полярной» нынешнего года, — чей же суд может быть полезнее, как не Ваш, и я очень любопытен ведать его. Что касается до здешнего света, то мнения о ней многосторонни. Дамы (как я и предполагал) не столь хвалят новую, потому что проза в ней не в их вкусе. Напротив, г-да мужичины прилепляются к прозаической части и говорят, что она дельнее прошлогодней². Прошу теперь отделить истину от причин, заставляющих так говорить, и потом еще вычесть из суммы авторское самолюбие, которое *дробями* замешается всюду! Правду сказать, критика и без проса <!> берется за это дело, но пружины тем не менее видны и мелочная зависть шипит изо всех углов. Даже, поверите ли, что те люди, которых мы считали беспристрастнейшими в свете, завидуют успеху (т. е. я разумею: расходу) «Звезды» и хотят ее зубами стянуть с светского горизонта; но мы смеемся, а она продается. Сказывают, туча рецензий готова рассыпаться на меня за обозрение и в Москве и в Питере, но я буду отвечать только на дельные, на глупости же — молчать: у меня нет мелких для убогих умом³. Цензура в этот раз натешилась над нами и над Вами, как Вы и видели по непомещенным пьесам. Из Пушкина запрещено 4 пьесы, из других — шесть числа, зато сам князь Глаголь доволен невинностью новорожденной⁴; в этот раз, однакож, хоть мы не поместили виршей Хвостова*, зато уступили приличиям, местами напускали ряпушки в стерляжий садок свой. Так прокрался туда бессмысленный Родзянка и добрый, но хромающий и стихами Норов, Влад. Измайлов с баснею, которая, конечно, не попадет в историю, и еще кой-кто из заштатных стихотворцев⁵. Поблагодарите почтеннейшего Ивана Ивановича за его басенки, они всем очень нравятся и вообще они так хороши, что многим безымянность автора прозрачна, и *мой башмак тебе не в пору* служит лозунгом соединения⁷. Ваш молоток и гвоздь оборотился уже пословицей,

* À propos de Khwostoff: ce matin au palais il m'a recité une épigramme (dite a nonyme, mais palpablement de lui) lancée contre moi, en voici le resultat; il était un peu difficile de retenir les vers (Перевод: Кстати о Хвостове: нынче утром во дворце он прочел мне эпиграмму (якобы анонимную, но, несомненно, ему принадлежащую), направленную против меня, вот ее выводы: было трудно вато запомнить стихи). *Бестужев* зесь Парнас ос(в)етил, он увидел даже Сафу (возрадуйся, Сушков)⁶, а графских моряков, точно как Крылова «Любопытный», и не приметил. Comment cela vous plait? C'est une perle pour notre Doyen Dmitrieff; c'est un trait impayable pour la biographie de metroman <Как это вам нравится? Это жемчужина для нашего старейшины Дмитриева; это уморительная черта для биографии метромана>. — Прим. А. А. Бестужева.

хотя и не *давным давно*, по крайней мере, *на долго*, покауда существуют молотки; но как *дело уже в шляпе*, то я, право, тоскуя все об одном и *давая волю рукам*, боюсь Вам наскучить и потому обращаюсь к другому⁸.

Денис Васильевич не смиловался, и ничем чего <!> не прислал нам, а его бы слог-сабля загорелся лучом, возненный в «Звездочку». Не теряю надежды *наперед*, потому что он любил быть всегда впереди⁹. — Обрадуйте однакож партизана-Тапита тем, что Александр Муханов достал весь журнал Фиоллской кампании¹⁰ да еще кой-какие любопытные вещи и теперь их переписывает. — Я слышал, что Вы и Денис Васильевич участвуете в периодическом издании вроде альманаха... Уведомьте, какого рода, когда оно будет и наперед желаю всевозможного успеха, надобно немного растатарить Москву и снова перевести в нее метрополию вкуса и словесности¹¹. Жуковского видел утром у выхода, он здоров и пудра стала его стихия¹²; мне Ваша кузина Карамзина¹³ сказывала, что Вы собираетесь сюда — пожалуйста соберитесь, князь, да уж не на чашку мороженого, а на месяца два на побывку — Вы найдете, что не один я вас люблю много и премного. Если меня что-нибудь здесь взбесит, то я кинусь отдохнуть душою к Вам в белокаменную и тогда я лично выскажу многое.

Весь Ваш Алекс. Б е с т у ж е в

P. S. Veuillez bien, mon prince, de faire mes hommages à m-me Votre épouse*.

Дата оторвана. Датируется периодом времени между выходом в свет «Полярной звезды» на 1824 г. (о которой идет речь в письме) — 21—22 декабря 1823 г. и содержанием письма Бестужева к Вяземскому от 28 января 1824 г., написанного, несомненно, после настоящего письма.:

¹ Намек на известный сатирический поэт Вяземского «Святки», при жизни автора не увидевший света.

² Прозаическая часть «Полярной звезды» на 1824 г. представлена была следующими произведениями: «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» Бестужева, его же повести: «Замок Нейгаузен», «Роман в семи письмах»; «Об удовольствиях на море» Н. А. Бестужева; «Путешествие по Саксонской Швейцарии» и очерк «Рафаэлева мадонна» Жуковского; «Модная лавка» Булгарина; статья «Об увеселениях русского дворянства при Петре I» А. О. Корниловича; «Две аллегория» Ф. Н. Глинки; «Два синонима» Д. М. Княжевича и «Витязь буланого коня» О. И. Сенковского.

³ О «Полярной звезде» на 1824 г. в печати появилось несколько отзвонков: «Соревнователь просвещения», 1824, № 1, стр. 20—41 (О. С. <Сомов>); «Русский инвалид», 1824, №№ 49, 50, 52, 53, 56, 59, 67, 73, 78, с 26 февраля по 28 марта (подпись: К.); «Лит. листки», 1824, № 1, стр. 27—29 (без подписи). См. также прим. 2 к письму № 8.

⁴ Цезура не пропустила стихотворений Пушкина: послание «Кривцову» («Не пугай нас, милый друг...»), послание Алексею («Мой милый, как несправедливы...»), послание В. Л. Пушкину («Что восхитительней, живей...») и «Иностранке» (см. письмо Рылева к В. И. Туманскому от 3 октября 1823 г. — Ры л е в. Соч., стр. 472—473). К н я з ь Г л а г о л ь — очевидно, А. Н. Голицын, известный своим ханжеством.

⁵ Речь идет о стихотворениях: А. Г. Родзянко «К милой», «Ответ С. Т. П.», В. В. Измайлова «Автор и мыши», А. С. Норова «Прощание Нееры» (у Норова не было одной ноги, — отсюда — «хромоающий»). Под «заштатными стихотворцами» Бестужев, очевидно, подразумевает В. Вердеревского, М. П. Загорского и В. С. Филимонова, помещавших по стихотворению в «Полярной звезде» на 1824 г.

⁶ Эпиграмма Д. И. Хвостова на Бестужева нам неизвестна. Николай Васильевич Сушков (1796—1871) — автор лирической трагедии «Сафо» (1824), о которой Бестужев отозвался в своем обзоре очень иронически: «„Сафо“ имеет только один недостаток, именно, — что героиня пьесы топится в 4-м, а не в 1-м акте».

⁷ И. И. Дмитриев напечатал в «Полярной звезде» часть своих апологов («Орел и филин», «Богач и поэт», «Собака и перепел», «Подснежник» и др.) за подписью: ***.

«Да мой башмак тебе не в пору» — цитата из басни Дмитриева «Башмак, мерка равенства».

⁸ Бестужев цитирует стихотворения Вяземского, опубликованные в этой же книжке «Полярной звезды»: «Молоток и гвоздь», «Воли не давай рукам», «Давным-давно» и «В шляпе дело».

* Благоволите, князь, передать мое почтение Вашей супруге (франц.).

⁹ В это же время Бестужев послал Д. В. Давыдову «Полярную звезду» с письмом (см. ответ Давыдова от 18 февраля 1824 г. — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 328—329). В дальнейшем Давыдов также «не смиловался» и в «Полярную звезду» на 1825 г. не дал ничего.

¹⁰ Об А. А. Муханове см. письма №№ 5 и 8.

Что называет Бестужев «журналом Фиоллской кампании», установить не удалось.

¹¹ Речь идет о «Мнемозине» (см. также письмо № 7), в которой Вяземский поместил стихотворения: «Прощание война», «К гр. Чернышеву в деревню» и две эпиграммы (напечатаны в первой и второй частях), а Давыдов — «Извлечение из записок. Кампания 1808 г.» (напечатано в первой части).

¹² Писатели декабристского лагеря сурово осуждали Жуковского за близость ко двору. Бестужеву принадлежит эпиграмма на Жуковского, долго приписывавшаяся Пушкину, «Из савана оделся он в ливрею / На пудру променял свой лавровый венец». В последнем издании «Стихотворений» Бестужева эпиграмма датируется 1824—1825 гг. (Л., 1948, стр. 16). Нам кажется правильнее отнести ее к началу 1824 г., так как она очень близка по настроению к строкам публикуемого письма.

В названном издании редактор предпочел почему-то худший текст эпиграммы (из сборника Н. В. Гербеля 1861 г.) с вариантом: «На ленту променял лавровый свой венец». См. об эпиграмме и об отношении декабристов к Жуковскому — также в воспоминаниях М. А. Бестужева «Мои тюрьмы» (Бестужевы, стр. 54).

¹³ Бестужев, очевидно, имел в виду племянницу Вяземского — Софию Николаевну Крамзину (1802—1856), старшую дочь историка.

7

С. Петербург. 28 января 1824 г.

Письмо Ваше, почтеннейший Петр Андреевич, получил я сегодня и отвечаю на него немедленно. Благодарю за откровенность в суждении о «Полярной»; в нем на три четверти я совершенно согласен, в остальном отбился от мнения Вашего, вероятно, от того, что смотрел с другой точки — переберем это по порядку Вашего письма, которое теперь перед глазами и, конечно, всегда останется в памяти. За лепетанье нашей поэзии я, конечно, ни перед богом, ни перед добрыми людьми не виноват — это бумажные цветки вымученной фантазии, это китайская живопись, в которой хороши одни лишь краски. Цензура обрезала наши червонцы, а многие медали и вовсе выбросила вон — поневоле довольствуетесь бряцающею медью¹. — Зато, если в наших пьесах не было отличных, в них (кроме родзянкиных) не было зато и вовсе дурных, и говоря Башуцкого словами, они все, право, чисто плотны². «Послания к Людмилу» я не хвалил, о «Деревенском» философе» отозвался двусмысленно, тем более о его авторе. *Комический дар* не есть еще *дар к комедии*; впрочем, вы угадываете, не читав его³. В «Лукавине» я виноват без всякого лукавства. Писарева стоило бы отделить путем за его *шашни*: переводит пьесу с скверного французского перевода, выпускает лучшие сцены и смеет еще «Школу злословия» выдать за свое сочиненье!⁴ Это чересчур по-гостинодворски. За немца моего немного заступлюсь, ибо знаю и чувствую в природе человеческой подобные страсти, а писал это по внушению сердца и не в подражание Шиллеру, следственно, оно не могло меня увлечь вне природы — век мною взятый представлял тому тысячные примеры и я могу подкрепить это историческими доводами. О брате — не судья, но в Жуковском нахожу не сцены, а декорации⁵. Пушкин виден у нас как в обломках зеркала — он поспешил на сей раз; однакож ода Баратынского, князь, на счастье, право, стоит взгляда; даже Дельвиг оперился в полярное путешествие и, конечно, редкие из альманахов французских были так богаты хорошенькими безделицами, как наш, хотя я согласен, что они бесцветны перед взором ума⁶.

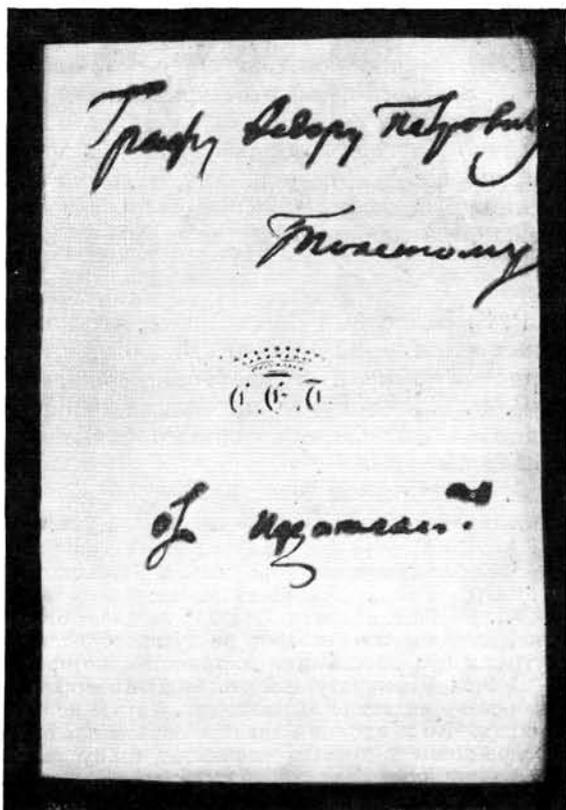
Насчет Каченовского — если вы меня укоряете в пристрастии, то и мне кажется, что Вы от него не совсем изъяты⁷; об этом уже был у нас и спор у любезнейшего Федора Ивановича⁸: я в нем нахожу кой-какие литературные заслуги — Вы не признаёте вовсе никакого достоинства.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ИЗДАТЕЛЕЙ «ПОЛЯРНОЙ
ЗВЕЗДЫ» Ф. П. ТОЛСТОМУ
НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ АЛЬМАНАХА
НА 1825 ГОД

«Графу Федору Петровичу
Толстому от издателей»

Автограф А. А. Бестужева

Собрание Ю. Г. Оксмана, Саратов

Радикальность реже обыкновенного, а потому, думаю, и случайность справедливости вероятнее упадет на мою сторону. Впрочем, если бы я и уверился в противном, то быстрый скачок от прошлогодней хвалы к укорам не показался ли бы странным? Зато другие мнения, конечно, не имели влияния на мой суд, — я не боюсь никому говорить правды и не жертвую своей совестью в угоду благодетелей, которых, слава богу, у меня и нет; но как бы не грех мне был, напр<имер>, если бы убил я Сергея Глинку?...⁹

Вы еще худо знаете нашу цензуру, любезнейший князь, когда воображать можете, что она бы позволила ремарку о некоторых причинах, не позволивших напечатать Ваших стихов. А мы многое бы потеряли, еслиб отказались от такого наследства, как седьмая часть Ваших стихов. Что ж обезобразила принелезная, в том каемся, в том поставьте себя на нашем месте и скажите, отказались ли бы Вы украсть, как Прометей, не только взять попросту, огонь с неба, чтоб оразумить свою мраморную статую?¹⁰ — «В шляпе дело» получено нами от А. Измайлова и здесь в большом ходу. Вас мучит старинный грех, т. е. последний куплет? Помилуйте, князь, надобно ж чем-нибудь платить за простой в России¹¹. — Гнедич ничего беглого <!> не написал и потому ничего и не дал, но Раич прислал нам пьесу, но между двух глаз будь сказано, ученическую, и бесцветную, и малозвучную¹². — Кончив о словесности, позвольте повести словечко о Вас самих, в светском и ученом отношениях: веселы ли, плодны ли Вы ныне? Я хочу бить челом о том, за что Вы меня поразили, т. е. написать на 1824 год коротенькое обозрение. — Князь! Будьте отцом родным: обновите это тощее поле! Но кроме того, Вы у меня в долгу: обещанная Вами проза не получена, и я надеюсь, что Вы нас выручите теперь из беды: у Вас выходит четверогранный альманах, у нас Дельвиг и Слѣнин

грозятся тоже *Северными цветами* — быть банкротству, если Вы не дадите руки¹³. — Жду ответа и, если можно, задатка, чтоб смелее сиять в будущем. Нынешняя «Звезда» у нас разошлась в 3 недели до одного экземпляра). Здесь все, даже безграмотные, читают ее — *c'est la fureur!** — К Вам вряд ли удастся, отдохнуть умом и душою. Между тем вторично и сердечно благодарю Вас за правду, я вспоен на ней и потому это лестно и приятно для меня, — столько же, как полезно, слышать ее от умнейшего из князей и любезнейшего из людей. Простите <и> будьте добры, как прежде, до любящего и уважающего Вас

Алек. Б е с т у ж е в а

Р. S. Я позабыл Вам описать, что недавно мы давали обед всем участникам «Полярной звезды». Вид был прелюбезный: многие враги сидели мирно об руку и литературная ненависть не мешалась в личную¹⁴.

Р. S. Я пользуюсь пробелами, чтобы сказать, что издание И<вана> Ивановича (я бью ему челом) пошло в расход и Вашим предисл<овием> все восхищаются¹⁵.

Р. S. Я сейчас услышал, что графиня Кутайсова выходит замуж за Алексея Голицына! Счастливый путь!¹⁶

¹¹ Бестужев отвечает на письмо Вяземского (с разбором «Полярной звезды») от 20 января 1824 г. Вяземский писал:

«... Вообще, кажется, „Звезда“ не имеет блеска прошлогодней, оттого ли, что она хуже, или только оттого, что не лучше: что также есть порок. Разумеется, говорю о внутреннем, а не внешнем достоинстве, которое на этот год превосходнее <...>

В Вашей литературной статье много хорошего, но опять та же высканность и какая-то аффектация в выражениях. Также не одобряю какую-то подчиненность в суждениях. Что за охота выставлять Загоскина? Его „Послание к Людмилу“ площадное, плоское по мыслям и стихосложению, взапуски выхваляемое петерб<ургскими> и москов<скими> журналами, точно как будто переродило его. Дайте себе труд его прочесть, и Вы, верно, со мною согласитесь. „Деревенского философа“, верно, Вы и не читали, а не то и не решились бы похвалить. В сценах Лукавина мало дарования, воля Ваша! В сказке Вашей есть места прекрасные; но не люблю немецких шуток садовника и немецкого самохвальства в злодействе. Подобные лица в свете не встречаются, а только в драмах немецких и мелодрамах французских. В прозе предпочтительно понравилась мне статья Вашего брата: есть много занимательности, движения, краски в слог. Сцены Жуковского очень хороши; стихи Пушкина прелесть! Точно свежий, сочный, душистый персик! Но мало в них питательного. Прочие стихотворения, признаюсь, довольно бледны, одноцветны, однозвучны. Все один напев! Конечно, и в них можно доискаться отпечатка времени, и потому и они не без цены в глазах наблюдателя; но мало признаков искусства. Эта тоска, так сказать, тошнота в стихах, без сомнения, показывает, что нам тошно: мы мечемся, чего-то ждем и Вы очень удачно наметнули об этом в своем предисловии. Но со всем тем, здоровое сложение, крепость не поддается правдивенной немочи. Смотрите на Пушкина! И его грызет червь, но все-таки жизнь выбрасывает из него отпрыски цветущие. В других этого не вижу; ими овладел маразм и сетования их замирают» («Русская старина», 1888, № 11, стр. 322—323. — Цит. по автографу ИРЛИ, 9290—9/ЛIII б. 60).

² Александр Павлович Б а ш у ц к и й (1803—1876)—адъютант генерала Милорадовича, в обществе славивший за хорошего рассказчика; впоследствии литератор (печататься начал с 1834 г.).

³ Бестужев писал в своем обзоре: «„Деревенский философ“, комедия г. Загоскина, разбурывает забавные черты наших баричей, доказывая комический дар автора» (стр. 7).

⁴ Бестужев в обзоре упомянул комедии А. И. Писарева «Лукавин» и «Шир мудрецов», как «заметные» произведения, появившиеся в «Вестнике Европы» (стр. 11).

⁵ Бестужев говорит о героине своей повести «Замок Нейгаузен», об очерке Н. А. Бестужева «Об удовольствиях на море» и о переводе Жуковского из «Орлеанской девы» Шиллера.

⁶ В «Полярной звезде» на 1824 г. было напечатано девять стихотворений Пушкина («Друзьям», «Нереида», «Адели», «К Морфею», «Редет облаков летучая гряда...», Отрывок из послания В. Л. Пушкину, «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Домовому», «Надпись к портрету Вяземского»), так что жалобы Бестужева на великого поэта были необоснованны. — Ода Баратынского — «Истина». — Дельвиг дал в альманах

* это фурор (франц.).

две русских песни («Что, красотка молодая...», «Голова ль моя, головушка...»), два романса («Не говори, любовь пройдет...», «Прекрасный день, счастливый день...») и «Сонет С. Д. П<ономарев>ой».

⁷ В своем обзоре Бестужев писал: «„Вестник Европы“, патриарх русских журналов <...>, по части прозаической шел обыкновенным своим твердым шагом» (стр. 14).

Вяземский, давний враг Каченовского, бурно реагировал на эти строки в письме от 20 января 1824 г.: «Что значит, что „Вестник Европы“ идет своим твердым шагом, ослиным что-ли? Нет тверже ослиного шага, а в доказательство служит то, что по горам их употребляют. Вы из Каченовского точно делаете помазанника! Как ни глуп, как ни скучен, как ни бесплоден, а все с каким-то благоговением говорится о его величестве. Как не видать что „Вестник Европы“ держится своею давностью и своею законностью (légitimité), как фамилия Атридов или Бурбонов. Сам собою он ничтожен; посмотрите его отчеты о московском театре. Какой неурожай на мысли и на слова! Какой запор в голове! Я слишком Вас знаю, чтобы не твердо быть уверенным в мнении Вашем о Каченовском, если спросите литературной совести; зачем же Вам подчинять себя побочным условиям, околичностям? Оставим это поденщикам книжным, цеховым ремесленникам; но кому же быть независимым, если не нам, которые ищем из побуждений благородного честолюбия, бескорыстной потребности души? Хорошо „Благонамеренному“ и ему подобным вытязгиваться перед „Вестником Европы“ с пальцами по квартирам <!> и с улыбкою раболепства на холопских устах. Они точно видят в нем какое-то превосходство в журналах с третьим Владимиром на шее! Поверьте мне, вот степень и род уважения их. Я коротко и глубоко знаю эту сволочь. Достоинство писателя у нас упадает с каждым днем и, если малому числу избранных не поддерживать его, то литература делается какою-то казенною службою, полицейским штатом, или и того хуже, каким-то отделением Министерства просвещения. Независимость — вот власть, которой должны мы служить верою и правдою. Без нее нет писателю спасения! И ум, и сердце его, и чернила — все без нее заплеснет» («Русская старина», 1888, № 11, стр. 324. — Цит. по автографу ИРЛИ).

⁸ Федор Иванович — Толстой («Американец»). См. о нем прим. 10 к письму № 2.

⁹ Сергей Николаевич Глинка (1775—1847) — брат Ф. Н. Глинки, писатель. В данном случае Бестужев имеет в виду Глинку, как редактора «Русского вестника», одного из наименее интересных журналов того времени.

¹⁰ Речь идет о вольнолюбивом стихотворении Вяземского «Петербург», из которого в «Полярной звезде» появилась только первая половина. Вторая же часть стихотворения, призывающая Александра I дать русскому народу свободу, была исключена издателями альманаха из-за цензурных соображений и впервые увидела свет только после Октябрьской революции (Избранные стихотворения Вяземского. Редакция, статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.—Л., 1935, стр. 137—141).

Здесь Бестужев отвечает на строки письма Вяземского: «Но Вы поступили со мною незаконно, выпустив меня на позор несчастным скопцом. Я писал к Жуковскому, что для выгоды книжки Вашей и моей предпочел бы я, если ничего моего не напечатали бы Вы, а сказали в особенном замечании, что из присланного к. Вяземским ничего в этой книжке не печатается по некоторым обстоятельствам. Таковое замечание сделало бы фортуна мою и Вашей книжки» («Русская старина», 1888, № 11, стр. 323—324. — Цит. по автографу ИРЛИ).

¹¹ Песня Вяземского «В шляпе дело» кончалась куплетом, восхваляющим Александра I как победителя Наполеона, что не соответствовало оппозиционному настроению автора в двадцатых годах (см. статью Н. Кутанова <С. Н. Дурылина> «Декабрист без декабря». — «Декабристы и их время», II, стр. 201—290).

7 января 1824 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Меня скопцом вывели в „Полярной“ <...> Да неужели было у меня: „Русский царь в шляпе“? Понять не могу и припомнить, когда доставил им эту песню, написанную мною тотчас после двенадцатого года, когда это выражение было точно в народном употреблении. Не люблю ни писать задним числом, ни думать задним умом, ни чувствовать задним чувством. Всею свое время и свое место. Я сгорел, как прочел этот стих» («Ост. архив», т. III, стр. 1).

¹² Ничего за подписью Раича в «Полярной звезде» в эту пору не появилось.

¹³ Вяземский не прислал своей прозы для «Полярной звезды». Обзорение литературы за 1824 г. пришлось Бестужеву писать самому.

«Четвероградный альманах» — «Мнемосина» В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского, объявленная с самого начала как издание в четырех частях. См., например, информацию о ней в «Литературных листках», органе Булгарина, где высмеивался будущий альманах именно за количество частей (1824, № 2, стр. 67). Здесь же сообщалось о распродаже 1500 экз. «Полярной звезды» в течение трех недель (стр. 64), а в № 4 «Литературных листков» — о предстоящем издании «Северных цветов» и о соперничестве их с альманахом Бестужева и Рыльева (стр. 149—150).

Бестужев писал 3 марта 1824 г. Я. Н. Толстому в Париж: «Г-н Слений и Дельвиг издадут на 25-й год „Северные цветы“, точно то же, что и наша „Звезда“: это спекуляция промышленности. Им завидно, что в три недели мы продали все 1500 экземпляров — посмотрим удачи!..» («Русская старина», 1889, № 11, стр. 376). О враждебных

взаимоотношениях между издателями «Полярной звезды» и «Северных цветов» и анализ причин этой неприязни см. в комментариях Ю. Г. Оксмана к письму Рылеева к Булгарину в 59-м томе настоящего издания (стр. 147—152).

¹⁴ Бестужев записал 20 января 1824 г. в своей «Памятной книжке»: «С Рылеевым давал (у меня) обед участникам полярности. Были Крылов, Шаховский, Измайлов, Греч и все, все почти литераторы. Было ввечеру довольно весело» («Памяти декабристов», I, стр. 61).

¹⁵ Об издании сочинений И. И. Дмитриева см. прим. 5 к письму № 3.

¹⁶ Александра Павловна Кутайсова, в замужестве Голицына (1804—1881) — приятельница Вяземских. См. ее письмо к Вяземскому о Пушкине в «Лит. наследстве». т. 58, 1952, стр. 84.

8

СПБ. 1 марта 1824 г.

*При сей верной оказии*¹ не мог преминовать, чтоб не написать к Вам, почтеннейший князь, несколько слов на полете. Здесь очень скучно и потому не дивитесь, что я не посылаю к Вам часто такой болезни, <от> которой и у Вас в белокаменной, я думаю, некуда деваться. Теперь я сижу дома и в великом — греческом и литературном посту — приготавлиюсь к царству небесному, потому что с каждым днем нищаю духом. Между прочим учусь по-англински и уже читаю довольно бегло: это для меня не лишнее впредь — до сих пор я не принимался за перо — до того обленился. Скажите, князь, не рассердились ли Вы на меня за противоречие последнего письма? Я не думаю этого, но вижу теперь, что много давал ходу Каченовскому, который, кажется, выжил из ума: пора его и из ослиного седла выбить — он уже чересчур зазнался. Я никогда не мог поверить, чтоб в 19-м веке можно было писать такие критики, какую он выпустил на «Пол<ярную> зв<езд>у» — это созвездие глупости, мерзости и дурного вкуса. Думаю скоро на нее отвечать² — сколько позволит цензура, которая стоит за глупость *en plaidant ainsia cause* *. Муханов расскажет Вам остальное, а Вы, князь, хоть кое-что, часок Вашего обихода уделите мне. Рылеев простреленный лежит на одре недуга³; Жуковский пишет оды на перчатку, калину и малину⁴; Воейков затраурил свой нос⁵, Гнедич распускает о колыбели Омера и гробе Ахиллеса, Крылов ест попржнему, а мы все ждем с нетерпением двух последних томов Карамзина⁶. — Будьте здоровы для себя и прилежны для нас, всех нас.

Прощайте, почтеннейший и любезнейший из князей, — меня तो-ропят,

весь Ваш Алекс. Бестужев

¹ Оказия — ехавший в Москву Александр Алексеевич Муханов (см. о нем письмо № 5). О получении этого письма и о разговоре с Мухановым Вяземский писал Бестужеву 9 марта 1824 г. («Русская старина», 1888, № 11, стр. 329).

² Поверхностный и бессвязный анонимный отзыв о «Полярной звезде» на 1824 г. был опубликован в «Вестнике Европы», 1824, №№ 1—4. Об отношении Бестужева к Каченовскому см. письмо № 7.

³ Рылеев дрался 22 февраля 1824 г. на дуэли с прапорщиком лейб-гвардии финляндского полка кн. К. Я. Шаховским и был ранен навывлет в ногу. 3 марта 1824 г. Бестужев писал Я. Н. Толстому об этом эпизоде: «Кн. Ш. свел связь с побочною сестрою Рылеева, у него воспитанною, и что всего хуже, осмелился подписывать к ней письма на имя Рылеевой. Сначала он было отказался <стреляться>, но когда Р<ылеев> плюнул ему в лицо — он решился» («Русская старина», 1889, № 11, стр. 375—376. См. также «Русский архив», 1871, стб. 943—944 и «Памятную книжку» Бестужева — «Памяти декабристов», I, стр. 64).

⁴ Об отношении Бестужева к Жуковскому см. также в письме № 6 и прим. 12 к нему.

⁵ А. Ф. Воейков был разбит лошадьми. См. цит. письмо Бестужева к Я. Н. Толстому от 3 марта 1824 г.

⁶ Бестужев имеет в виду перевод Гнедичем «Илиады» Гомера и выход X и XI томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Они вышли в свет в 1824 г.

* защищая, таким образом, себя самое (франц.).

С. Петербург. 7 мая 1824 г.

Видно мне судьба, любезнейший князь, начинать все мои письма извинениями в лености, не скажу в молчаньи, — за него легко простить меня. Тому, однакож, много достаточных причин, ибо каждый раз, когда берусь я за перо для разговора с отлучными друзьями, невозможность говорить

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ А. А. БЕСТУЖЕВА «РЕВЕЛЬСКИЙ ТУРНИР», НАПЕЧАТАННОЙ В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ» НА 1825 ГОД

Гравюра С. Ф. Галактионова

то, что чувствуешь, что видишь, что знаешь, проливает желчь в душу и темноту на письмо; я не могу привыкнуть к этому мерзкому *почтовому* красноречию, и потому не люблю тревожить своего забытья досадой, а Вам скучать форменными строками, годными для любого приказа. Еще, я зарылся теперь в богатом руднике английской литературы и особенно английской политики, потому что я хорошо разумею уже богатый язык богатейшего и свободнейшего из народов. Признаюсь Вам, князь, что я пристрастился к политике, да как и не любить ее в наш век — ее, эту науку прав, людей и народов, это великое, неизменное мерило *твоего* и *моего*, этот священный пламенный правды во мраке невежества и в темнице самовластия. Но как тяжко это познание! Как горестна эта зоркость!! Лекарь истаевающий в чахотке — есть изображение того русского, кто

европейскими глазами посмотрит вокруг себя; но и самое отчаяние не лишено надежды — я стою между распадающимся духом и телом России и гляжу вдаль.

Перестанем — это раздирает сердце.

Чтоб не прыгнуть сразу к предметам занимательнейшим, я расскажу Вам здешние новости: начну с поповских. Магницкий, как пиявица, высосав, что можно было от Голицына, предал его Аракч(ееву), и срезал его под корень. Здесь был выписной фанатик, некто Госнер (пастор), который сделал в Петербурге раскол своими проповедями, полоумно-дерзкими; но как немцам все позволено, то он продолжал пороть свое. Переводят его на русский. Попов поправляет, Бируков подмахивает, Греч печатает, — и Магницкий доносит на сочинителя в богохульстве. В самом деле, он там толковал даже, что, вероятно, у Марии были и другие дети, ибо сказано: Иисус был *первородный*, что Иоаким выгнал ее из дому за разврат и тому подобное. Государь, прочитав эти нота bene, велел судить Бирукова, запрещают продажу, таскают Греча, высылают из Руси Мессию, а говорят у Голицына отберут министерство просвещения¹. Итак, век ханжей церковных прошел, но цензура все не милостивее. Потом делят (как говорят) Россию на сатрапства, по 8 губерний в каждое; наконец, важнее всех, новость есть та, что завтра будет огромный парад для показа Елене Павловне (которая попала в *брак*) солдатиков.

Бой Ваш с классиками много занимал меня, ответы Ваши радовали, но скажу правду — эти животные не стоили ответа; им правда и ум, как к стене горох. Лучший из них последний (т. е. 2-й в «Дамском журнале»), мысли в нем видно, что устоялись, и пирамида доказательств основана не на остром конце. «Второй» слишком поспешен и больше относится к особе, нежели к статье Вашей — вообще же они без сомнения далеко оставляют за собой этого школьника Дмитриева, достойного ученика Каченовского². Может быть, я завязался бы и сам в эту стычку ранее, но, отваженный от критики Красовским³, я взбесился и решил молчать. Признаюсь также, что боюсь обнажить свое ржавое критическое оружие. Мое негодование, вероятно, превозможет все. Я не из тех, которые говорят: не нашу тысячу рубят!

Измайлов, этот целовальник русского Парнасса, написал на Булгарина басню *Слон и собаки*, довольно смешную в грязном роде, где задел и меня⁴. Я смеялся.

Занятия мои, как сказал я, в ученье и чтении английских произведений в прозе — поэзию берегу для полного удовольствия в совершенном познании. Сам ничего не пишу. Накидал повестичку в рыцарском, забавном роде⁵, но еще не сослонила (!) ее. Со всем тем, хотя я расцветаю чужим умом, — я вяну духом со дня на день. Скука одолевает меня, люди не привлекают, свет потерял всю цену: я прозябаю, а не живу. Пожалейте меня, любезный князь, я пожелаю Вам в замену не походить на меня, и быть всегда тем же для друзей и словесности.

Ваш Александр Б е с т у ж е в

¹ Михаил Леонтьевич Магницкий (1778—1855) — в эти годы попечитель Казанского учебного округа (1819—1826).

² Иоганн Госнер (1773—1853) — лютеранский священник, член Библейского общества, живший с июня 1820 г. в Петербурге и имевший там большой успех как проповедник. Речь идет о его книге «Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi» (1820 г.) которую перевели на русский язык почитатели Госнера, в том числе директор Департамента народного просвещения В. М. Попов (под заглавием: «Дух жизни и учения Иисуса Христова в Новом Завете»). История с книгой Госнера содействовала победе над А. Н. Голицыным клики Магницкого и архимандрита Фотия. После этой истории Голицын вынужден был выйти в отставку, книга была сожжена, а все участники отданы под суд (см. об этом воспоминания Н. И. Греча «Дело Госнера» в его кн.: «Записки с моей жизни». М.—Л., 1930, стр. 575—691).

² Б о й В а ш с к л а с с и к а м и — полемика Вяземского о классицизме и романтизме в связи с его предисловием к «Бахчисарайскому фонтану». Первый выпад был сделан М. А. Дмитриевым в «Вестнике Европы», 1824, № 5 (стр. 47—62 — «Второй разговор между классиком и издателем Бахчисарайского фонтана» за подписью: N.) и был подкреплен неким «Бывшим журнальным клеветником» (там же, в статье «Особая переписка», стр. 76—78). Вяземский ответил в «Дамском журнале», 1824, № 7 (стр. 33—39). Дмитриев продолжил свои нападки в «Вестнике Европы», 1824, № 7 (стр. 196—211), но уже за полной подписью: Михаил Дмитриев. Об окончании полемики см. в кн.: М. А. Ц я в л о в с к и й. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, стр. 465—466.

«Лучшим» Вестужев называет второе выступление Вяземского в «Дамском журнале», 1824, № 8 (стр. 63—82: «Разбор Второго разговора, напечатанного в № 7 „Вестника Европы“»). — «В т о р о й» — «Второй разговор» Дмитриева.

³ Александр Иванович К р а с о в с к и й (1780—1857) — член Петербургского певческого комитета (1821—1828), прославившийся своей тупостью и ханжеством.

⁴ В басне А. Е. Измайлова «Слон и собаки» изображен «задорный пес» Брылан, схватившийся со слоном. Вестужеву в ней посвящены следующие строки:

«Стой, толстый, стой!»

Кричит Брылан: «как смел обидеть ты дворянку?»

— Какую? — «Завиращку».

Проси прощения. Не то, брат, на дуэль!

Заставлю пролежать в сарае шесть недель.

(Сочинения А. Е. Измайлова, т. I. СПб., 1849, стр. 78—80).

«Завиращкой» Измайлов называл Вестужева (см. письма Измайлова к М. Л. Яковлеву 1825 г. — «Памяти декабристов», I, стр. 241—242, а также «Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 536 и 540).

⁵ «Повестичка в рыцарском, забавном роде» — «Ревельский турнир», появившийся впоследствии в «Полярной звезде» на 1825 г.

Петербург. 17 июня 1824 г.

Мы потеряли брата, князь, в Бейроне, человечество — своего бойца, литература — своего Гомера мыслей¹. Теперь можно воскликнуть словами Библии: куда сокрылся ты, лучезарный Люцифер! «Смерть сорвала с неба эту золотую звезду», и какое-то отчаянное эхо его падения отозвалось в сердцах у всех людей благомыслящих. Я не мог, я не хотел верить этому, ожидал, что это журнальная смерть, что это расчетливая выдумка газетчиков, но это была правда, ужасная правда. Он умер, но какая завидная смерть... он умер для Греции, если не за греков, которые в кровавой купели смыли с себя прежний позор. Он завещал человечеству великие истины, в изумляющем даровании своем, а в благородстве своего духа пример для возвышенных поэтов. И этого-то исполина гнала клевета, и зависть изгнала из отечества, и обе отравили родимый воздух; история причислит его к числу тех немногих людей, которые не увлекались пристрастием к своему, но действовали для пользы всего рода человеческого.

Вы спрашиваете меня, почтеннейший Петр Андреевич, для чего я не пишу в журналы², но я до сих пор совсем не имею времени, скача беспрестанно по дорогам для обозрения, так что мне не удается попасть на проселочную дорогу словесности. Притом теперь уже не поздно ли вновь начинать войну; критики опадают, как листья, но дерево живет веки, и, конечно, все выходки М. Дмитриева с товарищи и вкладчики столь же мало замарали известность вашу³, как Прадоны⁴ славу Вольтера. Безыменные брани доказали публике и характер и вздорность человека, который не стоит имени, которое на него надето, и, как видно, кажется ему хомутом, ибо он снимает его, чтобы набрыкаться в своем виде. Ей богу, досадно, что эти господа из критики сделали ослиную челюсть и воображают, что они Самсоны⁵. Мысль Ваша, любезный князь, о составлении

общества для издания книг принадлежит к мечтам поэта, а не к прозаической истине нашего быту; она делает честь Вашему сердцу — но, князь, может быть только оно одно из Ваших друзей и товарищей не устарело в холоде самолюбия и не иссохло от расчетов. Оглянитесь кругом себя и кого найдете Вы помощниками радушными? Одни могут, но не захотят, а другие при всем желании не могут, ибо тут нужны деньги и деньги. На расход же надеяться нечего — в этой главе Вы всегда ошибались, князь, воображая, что у нас в самом деле читаются и расходятся книги. При том не забудьте также, какими глазами будут смотреть на это цензоры и министры. Нет, нет.

«Мы видим сны золотые, а сами от голоду мрем».

Россию нельзя сравнивать с Францией; у нас не позволяют и читать энциклопедии, не только писать что-нибудь подобное. Но главное неудобство есть недостаток доброй воли. Назовите мне, кроме И. И. Дмитриева, хоть одного значущего человека, который бы захотел там участвовать? — Если ж и назовете, то обманетесь.

Меня очень порадовала весточка, что Вы готовите для нас кое-что... Жду с нетерпением этого. — У Дельвига будет много хороших стихов⁶ — не надо бы и нам, старикам, ударить в грязь челом, а это дело господ поэтов. Я завидую Вашей жизни — посреди семейства, вдалеке от сплетней и рядом с природою — Вы должны быть спокойны и на пороге у счастья. Может скоро увижусь с Вами в Москве или в Остафьеве — не забудьте до тех пор искренне Вас любящего

Алекс. Бестужев а

Р. С. Рылеев потерял мать и сам болен⁷. Он вам, однакож, не забыл свидетельствовать своего уважения.

¹ О смерти Байрона (19 апреля 1824 г. в Миссолунгах) было сообщено в «Русском инвалиде», 1824, № 122 от 23 мая и в петербургской французской газете «Le conservateur impartial», 1824, № 43 от 27 мая.

² Письмо Вяземского к Бестужеву с этим вопросом не дошло до нас.

³ О полемике Вяземского с М. А. Дмитриевым см. письмо № 9 и прим. к нему.

⁴ П р а д о н (1630—1698) — бездарный и беспринципный французский критик, имя которого сделалось нарицательным.

⁵ По библейскому преданию, Самсон побил филистимлян ослиной челюстью.

⁶ Бестужев имеет в виду альманах Дельвига «Северные цветы» на 1825 г. См. о нем выше, стр. 213—216.

⁷ Мать Рылеева умерла 2 июня 1824 г.

⟨А. А. Муханов⟩

⟨Петербург. 23 июня 1824 г.⟩

Премного благодарен Вам, любезнейший князь, за письмо Ваше от 20-го мая. Письмо к Бестужеву немедленно доставил¹. Благодарю Вас также за участие, приемлемое Вами в моей болезни. Я точно болен, князь; жаль, что не прикидываюсь; в последнем случае имел бы какие-нибудь особенные наслаждения. Вот скоро два месяца как не выхожу из комнаты, и нет надежды, чтоб прежде месяца еще выпустили. И без того несносно жить в казенной духоте нашей столицы. Нет дня, чтоб не слышно было чего-нибудь новенького да *хорошенького*!! Для три тому назад как фельдъегерь, прямо с манёвров, умчал кавалергардского Вадковского, брата того, которого до сих пор душат в Витебске; и тем же чином в армию за светлые мысли², а наше зрение, как неправедных: не терпит ярких лучей солнечных. Век бы жить в тьме крошечной! Кстати о тьме крошечной: знаете ли от чего Булгарин, этот литературный недоносок, расплылся в пелёнках своего младенческого ничтожества? Ему нужна в Шутовском:

говорят, ищет места и службы при театре — сей час хвост опахалом и ну вилить им и рычать на тех, на кого уськнул³. Впрочем, чтож тут и мудреного? Эти гады на поприще литературном точно то же, что немцы у нас на поприще гражданском, — поденщики: потеют над топорной работой из рубля с копейками. Какая им нужда до пользы и доброго имени!

Посылаю Вам вышедшие недавно стихи Языкова⁴; он подает, кажется, несомнительные надежды и возвышенною душою отрывается от толпы стихотворцев-прозаиков и людей прозаических, которых душénки могли бы только идти в сотенный счет приданого какой-нибудь престарелой вдовушке или девы Свиньиной. Сделайте одолжение, любезнейший князь, потрудитесь переслать эти стихи Денису Васильевичу. Посылаю Вам также книжку Я. Толстого⁵; полагаю, что Вы еще оной не читали. — Плащ, который я брал у Вас в страстную пятницу, был на другой же день к Вам отослан; впрочем, я пишу домой, к брату, чтобы он розыскал, кто носил и кому отдал; сожалею, что я могу быть виною утраты оного. — Поездка брата Николая в Варшаву с каждым днем откладывалась и только на днях решилось, что он не едет; письма Ваши вследствие этого были тот же час доставлены Туркуле⁶, расписку коего при сем прилагаю. Брат должен получить от него к Вам посылку, которую лично вручит Вам в Москве, в которую на днях выезжает. — Поздравляю Вас, любезнейший князь, с наступающими именнами Вашими⁷; сердечно сожалею, что не могу сделать этого под остафьевскими лицами, с стаканом шампанского в руках. Прошу Вас не позабывать искренне и премного Вас любящего

А л е к с а н д р а

23-го июня 1824. С. Петербург.

⟨А. А. Бестужев⟩

P. S. Русский бог вкуса мог бы сказать: vous êtes Pierre et sur cette Pierre je bâtirai mon temple* — и я, взявши за текст эту библейскую шараду**, начинаю приписку свою поздравлением с днем Вашего апостола и желанием провести оный и следующие дни веселее нас, горемык, летающих около московских друзей своих только мыслию. Не поверите, любезный князь, как здесь удушливо скучно! Служба отснедила тело и булавками убивает душу. Одна только и есть отрада, что сойдешься с Мухановыми да потолкуешь о том, что было, и о том, чего не будет. Подпольные на лубочном Парнасе нашем сплетни отбивают охоту писать, а цензура, как водится, обескрыливает остальное. Шишков еще не сделал ни *шиша* доброго⁸; журналисты наши пишут много худого, а я, по выражению Пушкина, гляжу на все это, как старая сводня

«на шашни молодых <...>»⁹.

Если около 15 июля случится Вам быть в Москве, то я надеюсь дружески поздороваться с Вами лично — кажется герцог берет меня с собою¹⁰. До тех пор прощайте.

Ваш душою

Александр Бестужев

P. S. Говорят М. Дмитр⟨иев⟩ опять написал что-то грязное? Если это правда — то не отвечайте ему¹¹, князь, сделайте, как Ваш патрон, — перейдите через это море грязи, не омочив ноги¹². Все их выходки не будут стоить Вашей словесной походки.

* Ты — камень и на сем камне воздвигну церковь мою (франц.) (цитата из евангелия). — Шутка Бестужева применительно к имени Вяземского — Петр (Pierre).

** Замечено классиком, что это не шарада, а каламбур. — Прим. А. А. Бестужева.

⟨Преписка Н. А. Муханова⟩

И я, любезнейший князь, от души поздравляю Вас с Вашими именами и благодарю Вас за воспоминание; надеюсь иметь удовольствие на днях лично заверить душевное уважение преданного Вам

Николая Муханова¹³

¹ Эти письма в печати неизвестны.

² Федор Федорович Вадковский (1800—1844) — офицер кавалергардского полка, активный член Северного и Южного обществ, автор сатирических стихов. 19 июня 1824 г. «за неприличное поведение» переведен из гвардии в Нежинский конноегерский полк; умер в ссылке в Сибири. См. о нем т. 59 настоящего издания, стр. 472—473, 706.

Брат его — Александр (р. 1801 — ум. после 1837 г.), поручик 17-го Егерского полка, член Северного общества с 1823 г., впоследствии освобожденный Следственной комиссией.

³ О чем идет речь — установить не удалось.

⁴ Речь идет, видимо, об элегиях Языкова — «Скажи, воротись ли ты» и «Не улетай, не улетай», напечатанных в мартовской книжке «Новостей литературы» 1824 г.

⁵ Имеется в виду вышедшая в январе 1824 г. в Париже брошюра Я. Н. Толстого: «Quelques pages sur l'Anthologie russe, pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le Journal de Paris, du 2 janvier 1824» <Несколько страниц о Российской антологии в виде ответа на критику этого труда, напечатанную в «Парижской газете» от 2 января 1824 г.>

⁶ Игнатий Лаврентьевич Туркул (1797—1856) — главный директор канцелярии статс-секретариата Царства Польского, знакомый Вяземского по Варшаве.

⁷ Именины Вяземского были 29 июня по ст. ст.

⁸ Александр Семенович Шишков (1754—1841) — писатель консервативного лагеря, адмирал, в это время министр народного просвещения и глава цензурного ведомства.

⁹ Цитата из послания Пушкина к Дельвигу («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...»), не опубликованного при жизни автора. Пушкин начал этим стихотворением письмо к Дельвигу от 23 марта 1821 г. (Пушкин, т. XIII, стр. 24—25).

¹⁰ Бестужев попал в Москву только в апреле 1825 г., сопровождая туда принца Оранского.

¹¹ Полемика Вяземского с М. А. Дмитриевым по поводу предисловия к «Бахчисарайскому фонтану» закончилась в начале мая 1824 г. в «Вестнике Европы», № 8 («Возражения на разбор Второго разговора» М. А. Дмитриева) и в «Дамском журнале», № 9 («Мое последнее слово» Вяземского). См. об этом письмо № 9 и прим. к нему.

¹² Бестужев подразумевает евангельскую легенду об Иисусе Христе и апостоле Петре, переходивших по воде, как по суше.

¹³ Николай Алексеевич Муханов (1802—1871) — корнет л.-гв. гусарского полка, адъютант генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова.

Никогда еще не писал я к Вам от столь чистого сердца, почтеннейший Петр Андреевич, как теперь, тем более, что долее виноват я был в молчании; хотя до половины невольно, ибо все лето напролет скитался по дорогам, и месяц целый, вековой, провел в Риге¹. Теперь пишу к Вам, чтобы отвести душу, огорченную подлостью людскою и вместе с жалобой слить и просьбу свою о помощи литературной. Из копии с письма нашего к Воейкову увидите Вы, каков он человек; но если узнаете низкие пружины, заставляющие его действовать, то подивитесь и лучше ничтожной зависти и корысти человеческой². План «Северных цветов» им начертан и недаром, это уже и он сам говорит, но, чтобы подорвать нас, употребляет он все средства. Мутят нас через Льва с Пушкиным; перепечатывают стихи, назначенные в «Звезду» им и Козловым, научили Баратынского увести тетрадь, проданную давно нам, будто печально. Одним словом делают из литературы какой-то толкучий рынок. Вследствие этого однако ж мы весьма бедны стихами — выручите нас, князь, попросите у Ивана Ивановича о том

же³. Иначе мы должны будем отложить издание до времен более благоприятных, чем нынешние, хотя и не хочется сойти с поля без бою. Слёнин, конечно, имеет все денежные выгоды на своей стороне, ибо сам продавать будет, а выгоды брать ни за что, ни про что, заплатив только треть Дельвигу за торг чужими стихами⁴. Следств(енно) ему с полгоря давать лучшее издание; но мое мнение — взять простотой, коли сущность хороша, и потому даже не хочется и виньеток делать, ибо раньше я не успел, занятый службою и расстроенный кой-какими обстоятельствами, а Рылеев убитый потерей матери и сына и болезнью своею и своей жены⁵. Впрочем, когда успеем, то постараемся и это сделать, хотя, по гравёрам судя, потеря и без них велика не будет.

Я познакомился с Грибоедовым, но еще не сошелся с ним, во-первых, потому что, то он, то я здесь не жил, а, во-вторых, мне кажется, что он любит поклонение⁶, и бог Аполлон ему судья за сведенье с ума Кюхельбекера: какую чуху, прости господи, напорол он в своей «Мнемозине»!⁷ Впрочем, в два или три свиданья наши я видел в нем и любезного европейца и просвещенного человека — две редкие вещи в одной особе, особенно на Руси. Мы говорили о вас, любезнейший князь, — и я помирился с человечеством и литературую.

Скажите, князь, что вы запали на поле словесном? От Вас ни словечка в журналах, и я перелистываю их без станций, не находя вашего имени! На земле дожди, а там — засуха, и только одна саранча напоминает нам, что в них есть общее с житейским. У нас так лучше — из эфемерных журнальных статей нашли средство вывести донос. Борис Федоров (с позволения сказать, тоже писака) подал на в(ысочайш)ее имя просьбу, к министру просвещения донос, что Булгарин хочет унижить царствующий род, критикуя его статью, где Булг(арин) уличает его в ложной ссылке на Брюса, означая свадьбу Петра I-го позже⁸. Тот представил оригинал книги, но чем это кончится — неизвестно! Каково, князь! и эти люди смеют называть себя литераторами, и этих людей терпят на свете, в обществе! О времена! Поверите ли, князь, что чем дольше живу я, тем несноснее становятся мне люди и тем менее я нахожу их. Это было бы и с Вами; любезнейший из князей, еслиб благородное сердце Ваше могло понять черноту других сердец — и, конечно, не я сорву повязку обольщения с глаз ваших, ибо с этим неразлучна потеря едва ли не лучшей мечты жизни. О князь, Ваше бы сердце разорвалось на части, еслиб узнали вы дела и мысли тех, кого считаете лучшими своими друзьями⁹ — для одного этого не зову себя другом Вашим, чтобы в будущем не делить нарекания, как в настоящем не похожу я на них чувствами, люблю и уважаю Вас от сердца.

Александр Б е с т у ж е в

P. S. Нельзя ли поспешить присылкою — мы принимаемся за печать¹⁰

¹ О своей служебной поездке в Польшу, Эстонию и Ригу Бестужев подробно писал матери 21 августа 1824 г. («Памяти декабристов», I, стр. 42—44).

² Речь идет об известном письме Бестужева и Рылеева к А. Ф. Воейкову от 15 сентября 1824 г. Это обращение было вызвано незаконной публикацией Воейковым в издаваемом им журнале «Новости литературы» (1824, июль, № 9) тридцати пяти стихов из «Братьев разбойников» Пушкина, отданных поэтом для «Полярной звезды» на 1825 г. Воейков неоднократно грешил перепечатками произведений, опубликованных в «Полярной звезде» и в других изданиях, в частности стихотворений Пушкина, Дельвига, Вяземского, Рылеева (подробный перечень их см. в «Письме к издателю» — «Лит. листки», 1825, июнь, № 11-12, стр. 438—443 — «О легком для издателей и тяжелом для читателей средстве издавать книги и журналы», за подписью: «Ваш читатель Н. В.»). Письмо Бестужева и Рылеева, в котором они объявляли о своем разрыве с Воейковым, впервые напечатано (по автографу Бестужева) Н. И. Мордовченко в сб. «Лит. архив», т. I. М.—Л., 1938, стр. 422. Бестужев упоминает о нем в письме к сестрам от 8 сентября 1824 г. («Памяти декабристов», I, стр. 47 и 69). Черновик ана-

логичного обращения издателей «Полярной звезды» к Воейкову в 1823 г. опубликован в т. 59 настоящего издания (стр. 140).

³ О напряженных отношениях между издателями «Полярной звезды» и кругом Дельвига см. письмо № 7 и прим. 13 к нему.

Л е в — Лев Сергеевич Пушкин (1805—1852) — младший брат поэта. — О тетради Баратынского см. письмо № 4 и прим. 6 к нему. — И в а н И в а н о в и ч — Дмитриев.

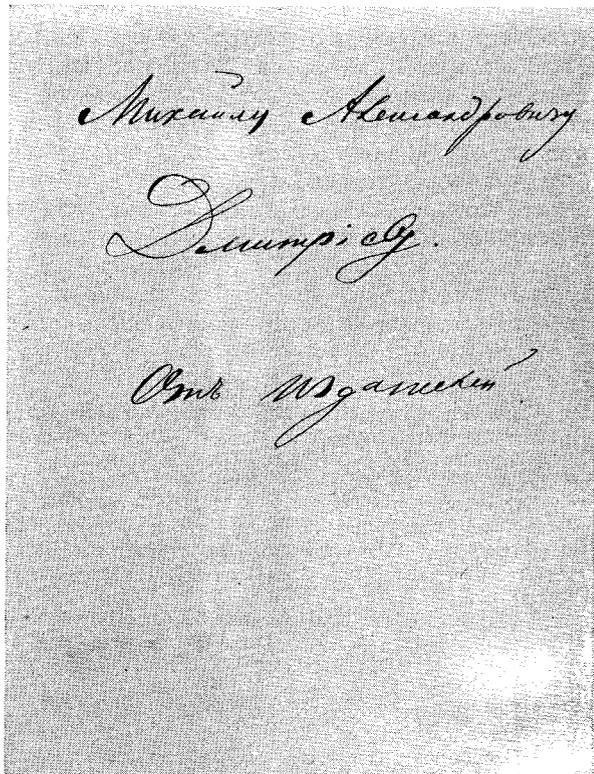
⁴ Иван Васильевич С л е н и н (1789—1836) — петербургский издатель и книгопродавец. Принимал участие в издании двух первых книжек «Полярной звезды», был одним из инициаторов альманаха «Северные цветы».

⁵ Смертью годовалого сына Рылеева — Александра — была вызвана болезнь его самого и его жены (см. письмо Бестужева к матери от середины сентября 1824 г. — «Памяти декабристов», I, стр. 48). О смерти матери Рылеева см. письмо № 10 и прим. 7 к нему.

⁶ Знакомство Бестужева с Грибоедовым состоялось у их общего приятеля, Н. А. Муханова, по словам Бестужева, в августе 1824 г. Строки настоящего письма дополняют незаконченные воспоминания Бестужева 1829 г. «Знакомство с Грибоедовым» (Б е с т у ж е в ы, стр. 523—530). В единственном дошедшем до нас письме к Бестужеву (от 22 ноября 1825 г.) Грибоедов тепло вспоминает о своих встречах с издателями «Полярной звезды». (Г р и б о е д о в. Полн. собр. соч., т. III, 1917, стр. 182). Об отношениях Грибоедова с Бестужевым см.: Н. К. П и к с а н о в. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1935, стр. 161—190; Н е ч к и н а. Грибоедов (стр. по указателю) и комментарий М. К. Азадовского в изд.: Б е с т у ж е в ы, стр. 803—807.

⁷ Бестужев имеет в виду известную статью Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», напечатанную во второй части «Мнемозины» (1824).

⁸ Булгарин в статье «Отзыв издателя „Северного архива“ и „Литературных листков“ почтенному издателю „Отечественных записок“ (ad interium) В. М. Федорову» («Лит. листки», 1824, № 13-14, стр. 47—51) выступил против статьи Федорова «Екатерингофский дворец Петра Великого», напечатанной в «Отеч. записках», 1824, № 51. Одним из пунктов «обвинений» Федорова в неточности было указание Булгарина на неверную дату венчания Петра I с Екатериной: вместо 1711 г. — 1707 г. (стр. 48). Полемика на эту тему продолжалась в №№ 53 и 55 «Отеч. записок» и в № 18 «Лит. листков». — О Б. М. Федорове см. письмо № 3 и прим. 3 к нему.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ИЗДАТЕЛЕЙ «ПОЛЯРНОЙ
ЗВЕЗДЫ» М. А. ДМИТРИЕВУ
НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ АЛЬМАНАХА
НА 1825 ГОД

«Михайлу Александровичу Дмит-
риеву от издателей»

Автограф А. А. Бестужева

Библиотека Московского универ-
ситета им. М. В. Ломоносова

⁹ Бестужев, очевидно, намекает на Дельвига и Жуковского — см. прим. 3.

¹⁰ В «Полярную звезду» на 1825 г. Вяземский дал два стихотворения: «Графиням Чернышевым» и «Того-сего».

СПБ. 3 ноября 1824 г.

Не подивитесь, любезный князь, что в прошедшем письме я писал к Вам такими черными чернилами — это быллов припадке досады, которые часто и нехотя на меня находят. Впрочем, хотя там было мало складу, зато много правды. Молчание Ваше, правда, меня беспокоило; я думал, уж не рассердился ли князь за мистификацию, но ответ Ваш мне был отводом души. Благодарю сердечно за участие, которое берете Вы в «Звезде» и в звездочетах — это утешительно еще более как человеку, чем как издателю¹. Жуковский с нами и в прошлом году и в нынешнем поступил иначе: обещал горы, а дал мышь. Отдал «Иванов вечер» и взял назад; а теперь (мне, признаюсь, всего досаднее, что я так искренно писал к нему) в то самое время отказал на мое письмо, уверяя, что ничего нет, когда отдавал Дельвигу новую элегию². Я дивлюсь только в этих людях: из какого дохода они лгут и очки другим вставляют? Впрочем, я уже отсердился и теперь только смеюсь на подобные сплетни. Насчет издания «Полярной» — мы никогда и не думали экономить, но невозможность издать к новому году заставила меня говорить о ненужности виньеток. Теперь это уже решено — они будут. Болото приготвим славное — были бы словесные черти хороши. А нельзя не признаться, что до сих пор у нас еще нет мастерских шутек, хотя стихов столько, что Лапландию натопить можно. Пушкин ни гу-гу. Советуете ли Вы напечатать «Разбойников» или нет? Я в сомнении, ибо Воейков подвел нас³. Раич прислал отрывок из «Иерусалима», но это широко, как разлив Волги; часть однакож напечатаем⁴. В обозрении не премину сказать моего мнения о лике Лжедмитриева⁵. Не даст ли настоящий своего «Каплуна»? — что смотреть на качан, изъеденный червями латыни⁶. Грибоедов Вам кланяется, я сегодня его видел. Я от его комедии в восхищеньи и преклоняю колено перед даром самородным — это чудо! Одна только шутка о баснях могла бы обессмертить его. Цензура его херит — он в ипохондрии, но с тех пор как лучше его узнаю, я более и более уважаю его характер и снисхожу к его странностям⁷. Здесь нового ничего, кроме печатного, нет. Рекомендую Вам подателя этого письма г-на Оржинского, моего доброго приятеля⁸. Вы его полюбите, если он это заслужит. Денис Васильевич может о нем сказать более, а я хотя бы и хотел, но спешу. Будьте счастливы, любезнейший князь.

Этого желает Вам искренно Вас почитающий

Алекс. Бестужев

¹ Письма Вяземского к Бестужеву за это время не дошли до нас. Об участии Вяземского в «Полярной звезде» на 1825 г. см. прим. 10 к письму № 12.

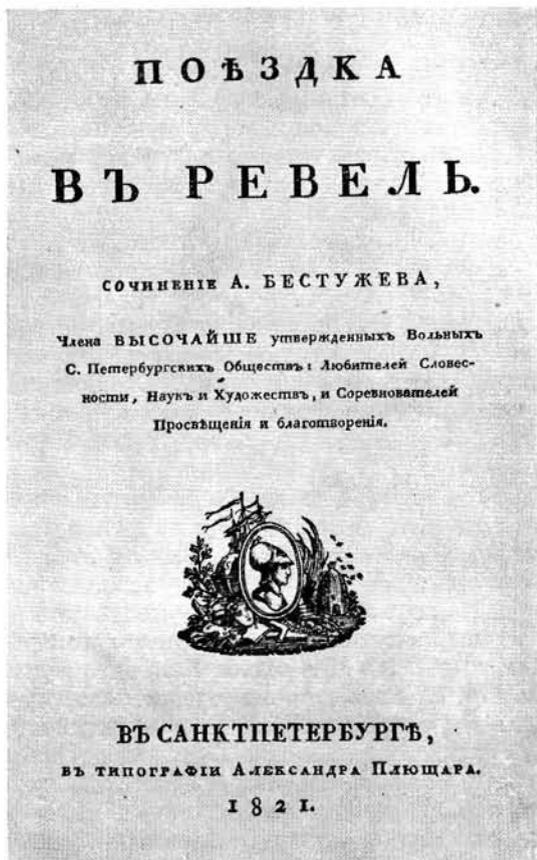
² Жуковский поместил в «Полярной звезде» на 1824 г. «Путешествие по Саксонской Швейцарии», очерк «Рафаэлева Мадона» и сцену из «Орлеанской девы» Шиллера; в «Полярной звезде» на 1825 г. — только «Отрывки из писем о Швейцарии». «Северные цветы» на 1825 г. Жуковский, наоборот, щедро одарил своими элегиями («Привидение», «Таинственный посетитель», «Ночь», «Мотылек и цветы»). — Баллада «Иванов вечер» (под заглавием «Замок Смальгольм») появилась в «Соревнователе просвещения», 1824, № 2.

³ В «Полярную звезду» на 1825 г. Пушкин дал отрывок из «Цыган» и поэму «Братья разбойники». Не пропущенное цензурой в 1823 г. «Послание к Алексееву» удалось провести через цензуру в 1824 г. Об эпизоде с Воейковым см. письмо № 12 и прим. 2 к нему.

⁴ Бестужев и Рылеев напечатали в «Полярной звезде» на 1825 г. отрывок из «Освобожденного Иерусалима» Тасса — «Армидин сад», в переводе Раича.

⁵ В обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и в начале 1825 годов» Бестужев отозвался отрицательно о выступлениях М. А. Дмитриева против Вяземского

КНИГА А. А. БЕСТУЖЕВА
«ПОЕЗДКА В РЕВЕЛЬ»
ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ
ИЗДАНИЕ, 1821 г.
Титульный лист

в «Вестнике Европы», не называя Дмитриева по имени (стр. 20—21). О полемике Вяземского с Дмитриевым см. письмо № 9 и прим. 2 к нему.

⁶ Басня И. И. Дмитриева «Орел и каплун» входила в собрание его сочинений с 1810 г. — Качан — М. Т. Каченовский (см. о нем письмо № 7 и прим. 3 к нему).

⁷ О знакомстве Бестужева с Грибоедовым см. письмо № 12 и прим. 6 к нему. Хлопоты Грибоедова об издании «Горя от ума» не увенчались успехом. Как известно, комедия полностью увидела свет только после смерти автора, в 1833 г.

Бестужев в упомянутом обозрении литературы 1824 — начала 1825 г. восторженно отозвался о «Горе от ума», назвав его «феноменом, которого мы не видали от времен „Недоросля“» (стр. 17). Его впечатления от чтения комедии см. также в воспоминаниях «Знакомство с Грибоедовым» (Бестужевы, стр. 526—527).

Шутка о баснях — реплика Загорецкого:

...А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами! Над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари (д. III, явл. 21).

⁸ Оржикский — Николай Николаевич Оржицкий (1796—1861), отставной штабс-ротмистр Ахтырского гусарского полка, незаконный сын гр. П. К. Разумовского, поэт. По заключению Следственной комиссии, «знал о существовании и цели общества — введении конституции, но вступить в оное не согласился». Был у Рыльева вечером 13 декабря 1825 г., знал о восстании, но не донес, за что и был разжалован в рядовые («Алфавит декабристов», стр. 142). Бестужев познакомился с Оржицким 2 января 1824 г. («Памяти декабристов», I, стр. 60). См. характеристику его в «Памятных записках 1828 и 1829 гг.» П. А. Бестужева (Бестужевы, стр. 370—371), а также показая Рыльева о нем и его о Рылееве в т. 59 настоящего издания (стр. 194. 224—225) и далее письмо № 15.

СПБ. 12 января 1825 г.

Желаю, князь, чтобы счастье переменялось к Вам на лучшее, но чтобы Вы для меня остались те же. Я не мог приехать в Москву, потому что товарищи мои по аксельбанту разъехались по отпускам, да и «Звезда» была в забытии до сих пор. Но будущей зимой заеду в белокаменную на 3 месяца, чтобы хорошенько с ней ознакомиться. Благодарю Вас за выписку из «Меркурия», но он у нас полтора месяца прежде был и мы с удовольствием читали ответную статью Р. В. С. Очень мило и умно написана. Однакож, говорят, Катенин вóззрился и пишет в Париж бранную очень отместку¹. Для того и Н. Муханов удержался печатать в «Conservateur». Здесь были литературные комедии, так что мы со смею умирали — Булгарин пьяный мирился и лобызался с Дельвигом и Б. Федоровым, точно был тогда чистый понедельник!² Все мелочные страстишки вышли наружу, и каждый изъявил свое неудовольствие вслух. Это было на ужине у Никитина³. Лобанов, напр<имер>, признался, что он сердит на всех, зачем его мало хвалят, и просил извинения у Чеславского, что он убил его переводом «Федры»⁴ — и пр. и пр. Праздники я провел здесь очень шумно, возлияния Вакху были часты и сильны, и я думал, что я возродился для московской моей жизни, — помните ли геркулесовы наши подвиги, любезнейший князь! Право, я с удовольствием вспоминаю вихрь, в котором я у Вас кружился, и жажду попасть на несколько времени в такой же. — Каковы кажутся Вам «Северные цветы»? Здесь их покупают и не хвалят — как то у Вас? Мне стихи Дельвига лучше всех нравятся. Жуковский на излёте. Крылов строчит уже, а не пишет. Пушкин не в своей колее, а главный недостаток книжки есть совершенное отсутствие веселости — не на чем улыбнуться. Разве над добродушием Плетнева, который возвышает тропарь свой в акафисте Боратынскому и прочим⁵. Впрочем, не подумайте, что тут говорит зависть — я наперед говорю, что наша «Звезда» не многим будет лучше «Цветов», — мы не имели ни ловкости, ни время, ни расположения для улучшения своего альманаха. Впрочем, что будет, то будет, а будет то, что бог даст⁶. Присылайте только подмогу, любезный Петр Андреевич, — мы начали печатать уже. Цензура строга и глупа по-прежнему и здесь день за днем валит без отмены и без замены. Грибоедов со мною сошелся — он преблагородный человек; его комедия сводит здесь всех с ума — и по достоинству. Пущин едет к Пушкину, — здесь славят его «Цыган»⁷; а 1-я пес<нь> «Онегина» пропущена без всяких выемок⁸. Рылеев посылает к Вам письмо к Муханову и, в случае его отбытия, просит покорнейше по нем распорядиться⁹. — Будьте счастливы, любезный и почтенный князь, и не забывайте

ленивца А. Бестужева

¹ Речь идет о полемике, завязавшейся в парижском журнале «Le Mercure de dix-neuvième siècle» вокруг имени П. А. Катенина. В 77-й книжке «Le Mercure» (от 25 сентября 1824 г.) появилась (за подписью: L... N...) статья Н. И. Бахтина (друга Катенина) — «Quelques notes d'un Russe présentement à Paris, sur l'Anthologie russe de M. Dupré de St.-Maure» (Несколько замечаний русского, находящегося в Париже, на Российскую антологию г-на Дюпре де Сен-Мора) (стр. 505—521), в которой была дана высокая оценка творчеству Катенина (стр. 515—516). В 82-й книжке (от 30 октября 1824 г.) того же журнала В. Ф. Гагарин выступил с резким возражением против панегирика Бахтина Катенину, ссылаясь также на авторитет Бестужева и Вяземского, в форме «Lettre à l'éditeur du Mercure» (Письмо к издателю Меркурия) (за подписью: Le P. V. G.; стр. 181—184).

У Бестужева в публикуемом нами письме сообщаются не совсем точные сведения о продолжении полемики — в парижском «Mercure» с возражениями Гагарину выступил тот же Бахтин («Lettre à l'éditeur du Mercure», книжка 85 от 20 ноября 1824 г., стр. 333—336), а Катенин послал полемическое письмо из Кологрива в «Сын отечества» и в «Вестник Европы», которое Греч и опубликовал в «Сыне отечества», 1825, № 3, стр. 333—335 («Письмо к издателям»; с датой 23 декабря 1824 г.).

См. также отклики Катенина в его письмах к Бахтину от начала 1825 г. («Русская старина», 1911, № 6, стр. 584, 590, 592).

В обзоре литературы в «Полярной звезде» на 1825 г. Бестужев беспристрастно упомянул об этой «парижской междуусобице».

² О ссоре Дельвига с Булгариным, происшедшей в середине 1824 г. на почве конкуренции «Северных цветов» с «Полярной звездой», см. статью Ю. Г. Оксмана («Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 147—152). О Федорове см. письма №№ 3 (прим. 3) и 12.

³ Андрей Афанасьевич Никитин (ум. в 1855 г.) — литератор и переводчик, один из основателей Вольного общества любителей российской словесности.

⁴ Михаил Евстафьевич Лобанов (1787—1846) — драматург и переводчик, член Российской академии. — «Федра» Расина в переводе М. Е. Лобанова вышла в свет в 1823 г. — Иван Богданович Чеславский (1790—1844) — поэт и переводчик. Его перевод «Федры» печатался в «Благонамеренном», 1821, № 7-8, стр. 10—14 и в «Соревнователе», 1823, № 2, стр. 203—217 (отд. изд. вышло в 1827 г.).

⁵ Поэтическая часть «Северных цветов» на 1825 г. была представлена следующими произведениями — Дельвига: «Романс» («Друзья, друзья! Я Нестор между вами...»), «Песня» («Наяву и в сладком сне...»), «Русские песни» («Скучно, девушки, весною жить одной...»), «Пела, пела пташечка...») и идиллия «Купальницы»; Жуковского: «Привидение», «Таинственный посетитель», «Ночь», «Мотылек и цветы»; Крылова: «Муха и пчела», «Богач и поэт», «Прихожанин», «Лев состарившийся», «Три поцелуя», «Лисица и осел»; Пушкина: «Песнь о вешем Олеге», «Демон», «Прозерпина» и отрывки из «Евгения Онегина»; Баратынского: «Оправдание», «Сонет» («Мы пьем в любви отраду сладкую...»), «Череп», «Звездочка»; Вяземского: «Простосердечный ответ», «Черта местности», «Младый певец», «Недовольство», «К журнальным близнецам» и ряда других поэтов.

Под «акафистом» Плетнева Бестужев подразумевает его статью «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах».

⁶ «Что будет, то будет, а будет то, что бог даст» — слова Богдана Хмельницкого, взятые Бестужевым как эпиграф к VII главе его повести «Ревельский турнир» («Полярная звезда» на 1825 г., стр. 96).

⁷ И. И. Пущин в это время уже был у Пушкина в Михайловском, куда приехал 11 января 1825 г. Из Михайловского Пущин привез для «Полярной звезды» на 1825 г. начало «Цыган». О цели этой поездки см. «Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 148.

⁸ Первая глава «Евгения Онегина» вышла в свет 14—16 февраля 1825 г.

⁹ Это письмо Рыльева к П. А. Муханову до нас не дошло. Речь в нем шла, очевидно, об изданиях «Дум» или «Войнаровского», которыми занимался в Москве Муханов (см. доверенность Рыльева Муханову от 14 ноября 1824 г. и письмо Рыльева к Вяземскому от 12 января 1825 г. — «Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 142—144).

15

Санкт-Петербург. 16 января 1825 г.

Здесь куча новостей, любезнейший князь Петр Андреевич, и Оржинский¹ возьмется порассказать Вам наше житье-бытье. Скука смертельная и того гляди, что за пустое слово улетишь, куда ворон костей не заносил. Скажите, сделайте одолжение, кто на меня написал критику в защиту немцев? Это была пренизкая штука; нападать на такие вещи, против которых писать нельзя*, подло. Я было слова два-три написал против других пунктов, да опоздал в прошлом году, а в нынешнем не хочется. Я подозреваю тут, *et pour cause***, Полевого, которого «Телеграф» здесь забавит нас². — Одолжите меня, князь, в лице Оржинского — познакомьте его в хороших домах — охота смёртная отведать ваших московских обществ. Помните, что «Полярная» уже под прессом и ждет Вас. — Рылеев кланяется, а я остаюсь

Вашим Александром Бестужевым

В автографе описка: 1824 г.

¹ Оржинский — Н. Н. Оржинский. См. о нем письмо № 13 и прим. 8 к нему.

² Предположение Бестужева об участии Н. А. Полевого в статье против него, видимо, действительно было не лишено основания. В «Московском телеграфе», 1825, № 8, апрель, в рецензии на «Полярную звезду» на 1825 г. (за подписью: А.) автор ее

* немцы у нас капитольские цыплята³. — Прим. А. А. Бестужева.

** и не без основания (франц.).

возражал Бестужеву на пренебрежительную оценку немецкой литературы в его обзоре (стр. 327).

В статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» Бестужев иронически отозвался о журнале Полевого «Московский телеграф» (стр. 22).

³ Бестужев имеет в виду легенду о гусях, спасших Рим и ставших священными. Он высмеивает здесь привилегированное положение немцев в александровской России.

16

Петербург. 30 октября 1825 г.

Я на Вас очень сердит, любезнейший князь: дважды были Вы в Петербурге и ни разу не удостоили меня посещением; это мне тем более чувствительно, что в последнюю побывку Вашу мне не удалось с Вами слова сказать... все в Царском да в Царском, а коли в столице, то кстати ли в аристократическом кругу вспомнить о старом приятеле! Даже и не послали сказать, когда бы Вас увидеть. Как приятель (я думал так), казалось, мог бы я иметь право на уголок в Вашей памяти, хотя и на походном положении, как знакомый даже — притязание на визит? Как бы то ни было, я сердился от чистого сердца, потому что искренно люблю Вас, и пусть эта откровенность Вам докажет, что я не люблю держать за душой ничего¹. В Москве, думаю, мы помиримся. Я собираюсь туда в начале декабря. Мы начинаем печатать «Полярную» и у ледяного моря нашей словесности ждем погоды. Стихотворная часть больно слаба у нас. Пушкин не пишет ни к кому и напишет ли? Бог весть. Прочие или ничтожны или ленивы². Многие (в том числе и Вы) обещают — и только. Как думаете сдержать свое слово? Как князь или как поэт? Дайте весточку. У Вас *Океан* есть, у Вас есть, несомненно, и другие достойные Вас пьесы³. Мне не верится, чтоб ревельские красoty не одушевили Ваше перо. Стоит только пошарить в карманах да *переписать*. Как, однакож, трудно последнее — я испытал на деле. Помните ли?⁴

Засвидетельствуйте мое уважение княгине и скажите, что я с большим удовольствием вспоминаю оранские балы. И тем живее, что здесь вовсе отказался от танцев и света. Нарышкина баснею мелких офицериков стала, все сватает дочь... Будьте здоровы, веселы, любезнейший князь, и вспомните хоть раз, если не Александра Бестужева, то Бестужева, издателя «Полярной звезды».

Ваш А. Б

¹ Вяземский ответил на эти упреки Бестужева письмом от 18 ноября 1825 г. из Остафьева («Русская старина», 1889, № 2, стр. 321).

² Несостоявшееся издание альманаха Бестужева и Рылеева на 1826 г. должно было выйти под заглавием «Звездочка» (см. его содержание в «Русской старине», 1883, № 7, стр. 43—100).

Пушкин дал в «Звездочку» только отрывок из третьей главы «Евгения Онегина».

³ Стихотворение Вяземского «Океан» неизвестно.

⁴ Не намекает ли Бестужев здесь на свое нежелание переписать для Вяземского «подблюдные песни» (см. письмо № 5)?